

Монструозные варианты Сумарокова: замечания к истории чтения, образования и перевода в России XVIII века¹

Андрей Костин

Abstract: *Sumarokov's «Monstrous» Variants: Remarks on the History of Reading, Education and Translation in Eighteenth-Century Russia.* Sumarokov's translation practice, throughout his career, reveals a tendency towards “monstrous” solutions — contrary to the tradition of “common sense” translation — an inclination to unexpected readings, fragmenting the text to the point of absurdity and appropriating it to the reader. This attitude towards translation can be explained by the orientation of St. Petersburg elites of the 1730s (as in the Noble Cadets Corps, where Sumarokov studied), towards Prussian educational models, including the linguistic school of the Halle pietist Johann Joachim Lange. The pinnacle of training in this school was a meticulous philological meditation on the biblical text that provided mystical insight. The significance of these textual practices for St. Petersburg culture of the mid-18th century is confirmed by the fact that the debate over Trediakovsky's translation of Lange's *School Conversations* in the late 1740s played a crucial role in crystallizing the aesthetic and authorial strategies of key St. Petersburg poets.

Keywords: Alexander Sumarokov, translation, meditation, pietism, language training, 18th century, Johann Joachim Lange

Мы довольно много знаем о русской литературе XVIII века. Это помогает работать, но создает также проблему. Мы склонны слишком доверять не общепринятым фактам даже, терминам, паттернам и представлениям, — но самому базовому модусу интерпретации. Мы слишком привыкли относиться к этой литературе как к рациональной — сыграли свою роль и самообъявленная приверженность Просвещения разуму, и излишне в него поверивший оптимистичный научный рационализм второй половины XIX века — времени, когда приняла форму инфраструктура того, как мы думаем до сих пор о российской XVIII-вечной словесности. Демонтаж накатанной саночной трассы на этом уровне — не досужее антикварное развлечение. Старая небезопас-

¹ Благодарю Татьяну Костину за совместную работу и постоянные дискуссии по осмыслению языкового образования в петербургских школах 1730-1740-х годов, а Бориса Маслова, Маркуса Левитта и Лауру Росси – за замечания и уточнения, позволившие улучшить статью.

Andrej Kostin, Grenoble Alpes University, France, a.al.kostin@gmail.com, 0000-0002-3646-9535

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Andrej Kostin, *Sumarokov's «Monstrous» Variants: Remarks on the History of Reading, Education and Translation in Eighteenth-Century Russia*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.24, in Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 307-342, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

на и может рухнуть и без того — лучше начать делать с ней что-то раньше. Добавить нашему видению русского XVIII века немного иррациональности — хорошее дело. Можно начать здесь.

Мне представляется, что эпистемология переводческого ремесла — одно из самых уязвимых мест во всей конструкции. Российская словесность XVIII века развивалась во многом как словесность переводная — сложно указать заметного (да и незаметного) русскоязычного автора этого времени, не работавшего бы, помимо оригинальных сочинений, также и над переводами². Не удивительно поэтому, что четкой границы между переводным и оригинальным творчеством, отсутствовавшей в изучаемую эпоху, нет и в исследовательской традиции: все, серьезно занятые «русской литературой» XVIII века, в какой-то момент пишут и о переводах, причем иногда не вполне понятно, можно ли предмет отдельной исследовательской работы отчетливо охарактеризовать так или иначе. У цеха, занятого этой эпохой, есть поэтому определенный относительно активный конвенциональный тезаурус, позволяющий рассуждать о переводах. И вряд ли какой-либо термин употребляется в нем чаще, чем слово ‘точный’ и его дериваты³.

Здесь не место говорить о том, что при всей кажущейся точности слово ‘точность’ плохо годится для термина — слишком расплывчатое и ненадежное. Недифференцированную ‘точность’ можно критиковать, добавляя ей (им) разнообразие, строгость и квантифицируемость⁴. Моя задача, между тем, в другом. Любая попытка обуздать ‘точность’ предполагает, что как бы ни строилось новое здание текста на принимающем языке, ‘точный’ перевод

² Интересно заметить, что, в отличие от мужчин, русские авторки XVIII века — Урусова, Хвостова, Мурзина, Поспелова — скорее не были склонны публиковать свои переводы, во всяком случае под собственным именем.

³ Общая канва истории литературного перевода и переводческой рефлексии в России до конца XVIII века достаточно качественно представлена в двухтомнике Левина (1995). Наиболее актуальный срез рефлексии над переводческой практикой в России этого времени см. в сборнике Польского и Ржеуцкого (2022). Показательно, что большинство статей сборника (10 из 14 — по сути, все, непосредственно сопоставляющие тексты оригиналов и переводов) так или иначе используют категорию «точности» (в том числе для ее критики).

⁴ Классический пример русскоязычной академической традиции, проблематизирующий возможность квантификации переводческой «точности» — работы М. А. Гаспарова и выполненные под его руководством (Настопкене 1981; Гаспаров 2001а). Его максима “Я занимаюсь точноведением, а чтотоведением занимайтесь вы” (Гаспаров 2001b, 177) относится именно к этим работам (максима записана по поводу «традиционного» переводческого высказывания «В переводе, кроме точности, должно быть еще что-то»). Культурную критику понятия точности (fidelity) и связанных с ним отрицательных понятий (infidelity, betrayal, deformation, violation, vulgarization, desecration и др.) — в основном на материале трансмедиальных переносов, но применимую к изучению перевода — см. Stam (2000) и Hansen (2010). Ненадежность, сконструированность понятия точности — одна из отправных точек translation studies как академической парадигмы, смещающей внимание в изучении перевода с переводимого текста на разнообразие переводящих, преобразующих и воспринимающих культур и их нелинейного глобального взаимодействия (Bassnett and Lefevere 1990; Budick and Iser 1996; Рум 1998; Eco 2003).

оказывается реконструкцией оригинального текста с уважением к какой-то его (так или иначе восстановимой и переносимой) базовой общей конструкции; реконструкцией, предполагающей бережное отношение хотя бы к воспроизводимым узлам и блокам, а также устойчивость новой конструкции. Что, если окажется, что российский переводчик XVIII века представлял себе 'точность' иначе? Если, например, целое новой постройки занимало их меньше, чем эффект неожиданного кадрирования, обрамления и взгляда на обособленные блоки, изъятые из оригинального целого и пересобранные с целью, например, эффектного уничтожения представляемой зрителю временной конструкции в увлекательном фейерверке или последовательности валящихся домино. Что, если переводчик XVIII века был не рациональным строителем, но фокусником-духовидцем? Я попробую показать, что для такого взгляда нет рациональных оснований.

* * *

Непосредственный разбор сумароковской переводческой практики я начну с двух переводов, опубликованных в 1760 году, — стихотворного переложения речи Ветурии к Кориолану из Тита Ливия и перевода одной из од Горация (II, 14: *Eheu fugaces, Postume, Postume*). Оба перевода — эпизоды в долгой череде опытов Сумарокова, правившего/переименовывавшего своих коллег/соперников по поэтическому мастерству⁵. Исследователи до сих пор преимущественно обращали внимание на полемическую/реципирующую/русскую сторону этих артефактов, не придавая особого значения переводческой работе Сумарокова. Можно посмотреть на них с другой стороны.

Оба перевода — из римских авторов. Деталь немаловажная: принято считать, что Сумароков не владел латынью (Егунов 1963; Любжин 2012; Николаев 2015)⁶. Противоречие между предполагаемым незнанием Сумарокова латыни и переводами из двух римских авторов легко снимается, на первый взгляд, прямым указанием переводчика на то, что он переводил «из русского перевода». Более того, как показал С. И. Николаев, в случае с переводом из Тита Ливия нам известны и тот «русский» прозаический перевод (выполненный Г. Козицким), который, как из подстрочника, Сумароков превращал в стихи, и «ошибочные» русские стихи (совсем незадолго до того умершего И. Шишкина), которые Сумароков своим «точным» переводом, как можно предположить, исправлял. Легко допустить, что Сумароков просто пользовался подстрочником — практика для русского XVIII века не самая нераспространенная.

Одним переводом, однако, как оказывается, дело не ограничивалось. Перелагая в стихи речь матери к Кориолану из Тита Ливия, Сумароков восполь-

⁵ См. свод сведений об известных сейчас по этой теме материалах в статье Николаева (2020).

⁶ Ср., впрочем, традицию (Сумароков 1832; Хмыров 1869; Амелин 2003), указывающую на владение Сумарокова латынью без обоснования этого тезиса — кажется, с опорой только на уставные документы Сухопутного Шляхетного Кадетского Корпуса [далее СШКК].

зовался еще по меньшей мере одним русским подстрочником, сделанным для него латинистом, не уступавшим Козицкому. Перевод этот был напечатан Тредиаковским в 1761 году в примечаниях к первому тому *Римской истории* Роллена (при переводе французской версии того же текста), со следующим предупреждением: «Сию Ветуруину речь [...] перевел я за долго прежде, нежели еще вздумал переводить сию [...] Римскую историю, и то ж по прозбе тогда некоего достойнопочитаемого приятеля моего, торговавшегося со мною, как по Латински говорится, Греческою верностию [...] и видно что помногу сомневался о некотором моем, малом подлинно, искусстве в латинском языке, не взирая, что я перевел Аргениду Барклаиеву, котораго латинский язык труднее Ливиева, где, по общему всех искусных признанию, млечная простота и сладость лиется» (Тредиаковский 1761, 294).

Петербургский историко-литературный контекст из этого глухого текста, когда на руках есть уже прочие пазлики, восстанавливается довольно просто. Сумароков, с которым Тредиаковский в тот момент еще общался («тогда некий достойнопочитаемый приятель мой»), попросил у него перевести этот фрагмент; но когда перевод был сделан, оказалось, что заказчик не поверил ему, и отправился за оценкой к другому специалисту («торговался со мною Греческою верностию, и видно, что помногу сомневался о некотором моем искусстве в латинском языке» = торговался со мной, не веря мне на слово⁷ и много сомневаясь в том, что я хоть сколько-то искусен в латыни) — как мы сейчас знаем, к Козицкому. Сличение двух экспертных подстрочников не оставляет сомнения, что Козицкий не переводил с нуля, но правил (очень сильно) текст Тредиаковского⁸.

Сумароков, однако, не удовлетворялся работой ни Тредиаковского, ни Козицкого, и использовал также по меньшей мере французские переводы. Тредиаковский, приведя свою версию, комментирует ее: «Всяк, умеющий по-латински, видит, что мой перевод есть по самым Ливиевым словам, и почитай его ж округом в сочинении. В Ливиевом порядке слов, сие токмо изображение, *sed ego nihil iam pati, nec tibi turpius quam mihi miserius possum, nec, ut sim miserrima, diu futura sum*, в остановку несколько с первого взгляда приводит. Но я презбмерно диваюсь, что некто из Иезуитов, в Римской своей

⁷ Ср. в *Ослах* Плавта (Plautus. As. 1, 3, 47): «*diem aquam solem lunam noctem, haec argento non emo: / ceterum quae volumus uti Graeca mercamur fide*».

⁸ Ср.: Тредиаковский 1761, 294; Козицкий 1770. Приведу несколько первых предложений. *Тредиаковский*: «Дай, прежде нежели обымешь, мне знать, к неприятелю или я пришла к сыну: пленница, Мать ли буду в твоём стане? К сему ль меня догвременная жизнь, и бесчасная старость довела, да Изгнанником тебя, потом и Супостатом увижу? Ты возмог опустошать сию землю, которая тебя родила и воспитала? И хотя с неприязненным и грозным сердцем прибыл, но, вступая в пределы, гнева не оставил?»; *Козицкий*: «Постой: прежде, нежели ты меня обымешь, дай мне узнать, к неприятелю ли я, или к сыну пришла? пленница ли я, или мать в стану твоём? До того ли меня долгая жизнь и несчастная старость довела, чтобы мне тебя сперва видеть изгнанным из отечества, а потом и неприятелем оному? Ты мог опустошать сию землю, которая тебя родила и воспитала? Не утолился твой гнев, хотя ты с неприязненным и грозным духом сюда пришел, когда ты вступил в сии пределы?».

истории, конец сея речи, quos, si pergis, aut immatura mors, aut longa servitus manet, так перевел: «Ей! Кориолан; или тебе свободить Рим, или пойти по утробе Матери твоя осаждаъ оный». “Oui, Coriolan, ou tu délivreras Rome, ou tu passeras sur le corps de ta mere, pour en aller faire le siège” (Тредиаковский 1761, 294–95). Эта смесь из нескольких версий на нескольких языках требует комментария, поскольку дает увидеть не только, как защищает себя Тредиаковский, но и как работал Сумароков.

Полагаю, что цитируя «некоего из иезуитов», Тредиаковский воспроизводит тот вопрос о латинском тексте и его соответствии французскому повествованию, с которым к нему как специалисту пришел Сумароков. Буквальная цитата Тредиаковского указывает, таким образом, на то, что в руках Сумарокова была *Histoire romaine* Катру и Руийе (Catrou et Rouillé 1725, 364). Свою речь Ветурии, мешая Ливия и Плутарха (которого Тредиаковский не учитывает, кажется, вовсе), отцы-иезуиты заканчивают *bon mot* из последнего — о том, что Кориолану, чтобы взять Рим, придется переступить через труп матери (tu passeras sur le corps de ta mère, η νεκρῶν ὑπερβῆναι τῆν τεκοῦσαν)⁹. Сумарокова, однако, эта фраза занимала не сама по себе, как случайно встретившаяся в случайном французском пособии. Разница между «*tu passeras sur le corps*» («переступишь через труп») французского оригинала и «*пойти по утробе*» в переводе Тредиаковского слишком заметна, чтобы объяснить ее ошибкой последнего, — скорее, перевод фиксирует то, что хотел найти в античных источниках Сумароков. Ученый петербургский академический латинист этой справки своему тогда еще товарищу дать не смог. Между тем, разночтение объясняется исходным ὑπερβῆναι Плутарха — в буквальном значении ‘наступить’, и только затем ‘переступить’. Буквальное значение красочно обыгрывает в своем *Кориолане* Шекспир¹⁰, где на их чрево/утробу/матку (*womb*) главному герою предлагают наступить (*‘to tread’, nonpramь*) и мать, и жена, а малолетний сын заявляет при этом, что отец на него не наступит — «я убегу, вырасту и буду сражаться».

Сумароков подходит, таким образом, к переложению речи Ветурии из Ливия, отталкиваясь от очень вольной (театрализованной, фантастичной) версии Шишкина, где произносящая превращается из матери исторических источников в жену, с опорой на хорошо ему, по-видимому, известную шекспировскую сцену (делая, по сути, с фрагментом Ливия то же, что сделал с монологом Волумнии из Плутарха Шекспир — последовательно переклады-

⁹ ‘Прояснение’ суггестивного и краткого ‘*nes diu futura sum*’ Ливия через более многословную тираду у Плутарха было обычным для французских переводчиков XVIII века. François-Philippe Gourdin в своем трактате о переводе приводит серию таких примеров, начиная с перевода Катру и Руиля, разбирая недостатки подражания (*imitatio*) как типа перевода (Gourdin 1789, 270–73).

¹⁰ Непосредственный источник здесь — рассказ Плутарха в английском переводе Томаса Норта: «*thy foote shall treade upon thy mothers wombe, that brought thee first into this world*» (Bullough 1966, 539). О том, мог ли Сумароков быть знаком с английским текстом Шекспира, см. ниже.

вает в стихи прозаический перевод)¹¹, надеясь сохранить в переводе шекспировское *mot* и пытаюсь найти ему обоснование в древних текстах. Сумароков не останавливается на доступных ему печатных переводах (сравнивая, по-видимому, несколько), и обращается к лучшим петербургским русскоязычным специалистам, но не доверяет и им.

Третьяковский специально подчеркивает, что его перевод не только «точный» («*по самым Ливиевым словам*»), но и почти буквально пословный, передающий не только смысл, но и конструкции оригинала («*его ж округом в сочинении*»). При этом оказывается нужным оговорить, что в одном месте эта точность может быть не очевидной. Ветурия Ливия, прежде чем указать сыну на его детей, которым предстоит из-за отца или ранняя смерть, или рабство, говорит о себе (Третьяковский специально дополнительно цитирует):

... sed ego nihil iam pati, nec tibi turpius quam mihi miserius possum, nec, vt sim miserrima, diu futura sum... (Третьяковский 1761, 293–94; ср. Livius 1974, 123–24).

«Я уже ничего вытерпеть», — говорит мать. Слушатель ждет, а читательница видит — «не могу», но чего же именно не может вытерпеть римская матрона, понять сложно. Место считается испорченным в рукописной традиции¹² и требует эмендаций (Conway and Walters 1910, 275) или во всяком случае — гипотез о нарушении «правильного» полного логического синтаксиса для создания художественного эффекта — идеальной ораторской женской речи, к концу спотыкающейся из-за перехлестывающего аффекта (Murphy 1958). Понятны термины, из которых складывается предпоследний риторический удар по сыну: тебе бесчестие, мне несчастье, я несчастнейшая, проживу недолго. Как сложатся эти элементы вместе, зависит, однако, от того, как интерпретирующие будут прояснять текст посредством союзов (наличных и возможных) и прояснения порядка слов. То ли сын может стать бесчестнее, как мать — несчастнее. То ли еще большие бесчестия уже ничего не добавляют к несчастью матери. Понятно, что эти два горя связаны, но все же какое подлинно невозможно вынести — эгоистичное страдание теряющей сына матери, или стыд гражданки за позорного сына, или бедствия республики? Проживет ли говорящая недолго, потому что несчастна, или чтобы не стать несчастнее (то есть наложит ли на себя руки или умрет от горя)? В одном случае римская патриотка знает, что как бы ни казалось, что последний подпол предательства пробит, снизу всегда могут постучать — но все эти следующие падения не

¹¹ Шекспир в своем изложении истории Кориолана в целом следует за Плутархом Норта, в том числе почти пословно воспроизводя несколько диалогов, из которых особенно заметен монолог матери Кориолана (Muir 1977, 248–51). Благодарю за консультацию Владимира Макарова.

¹² Консенсус предполагает, опираясь на единичное свидетельство (Biblioteca Medicea Laurenziana, Plut. 63.19, 40r), что должен читаться более прямой и внятный индикатив 'ut sum', а не маловнятный здесь, хотя и читающийся в большинстве списков конъюнктив 'ut sim' (Livius 1974, 124).

имеют уже значения для ее личной эмоции от распада семьи. В другом — заявляет, что падения большего, чем уже сделал сын, быть не может: мать могла бы стать еще несчастнее, если бы сыном был совершен больший грех, но предательство родины не имеет оттенков, и нет ничего страшнее его, — так что она несчастнейшая, и скоро умрет. Различие очень тонкое, но внятное сегодняшним русскоязычным читательницам, пережившим и после февраля 2014, и после февраля 2022 годов разрывы семейных, дружеских и профессиональных связей по в разных местах проведенным границам разно понимаемых патриотизмов и гуманностей. Из двух русских переводов, с которыми имел дело Сумароков, одна Ветурия (разбирающаяся в сортах предательства и не готовая жить после определенной черты) представлена у Тредиаковского:

Но я уже ничего претерпеть не могу: ни для тебя еще бесчестнее, нежели для себя беднее; я ниже, да не быть имам беднейшею, и в жизни долго пребуду.

Другая (для которой предательство абсолютно, и потому ведет к смерти) — у Козицкого:

Но я уже не могу больше ничего в сей жизни претерпеть, что бы и тебе бесчестнее, и для меня несчастнее было; и хотя я неблагополучнейшая в свете, однако не долго уже буду жить.

У Козицкого предполагается, что Ветурия умрет естественной смертью, но очень скоро — переживая из-за горя, которое ей принес сын (а ведь он может ее порадовать и спасти); у Тредиаковского мать, чтобы спасти родину, грозит сыну самоубийством (как у Дионисия Галикарнасского, на которого опирался Плутарх).

Не вызывает сомнения, что Сумароков следует за Козицким. Однако стоит заметить те места, где шаги делаются самостоятельно и осознанно. И Тредиаковский, и Козицкий — их попросили сделать подстрочник — разворачивают фразу последовательно, слева направо. Сумароков начинает собирать ее в середине, на той грамматической базе, которая в латинской фразе бесспорна: «*Mihi + [сравнение] + [отрицание] + rati possum*» = «Мне большей нет». И уже только к этому каркасу крепятся остальные элементы; при этом сохраняются тройки и терминов отрицания (*nihil ... нес ... нет* → *нет ... ни ... не*), и остальных союзов (*sed ... quam ... ut* → в которой ... хотя ... но)¹³, и даже подчеркнутое анафорами созвучие «*мнѣ/ни*» — аналог «*нес/нес*» оригинала:

Мне большей нет беды, в которой я страдаю,
 Ни большего тебе стыда не ожидаю.
 Хотя несчастней всех из смертных мать твоя,
 Но скоро кончится плачевна жизнь ея.

¹³ У Тредиаковского шесть отрицаний (ничего, не, ни, нежели, ниже, не) и три союза (но, да, и); у Козицкого — четыре отрицания (не, ничего, ни, не) и шесть союзов (но, что, бы, и, и, и хотя, однако).

Мне представляется, что чтобы добиться подобного эффекта, Сумарокову недостаточно было иметь дело только с переводами и переложениями — нужно было видеть и понимать, как работает оригинальный текст. Он начал с попытки воспроизвести маргинальное чтение того, что надеялся, благодаря Шекспиру, увидеть в оригинале (слова «переступить через труп», которые можно было бы прочесть как «наступить на матку»); а не найдя, выбрал самое неудобопонятное место оригинала и постарался воссоздать его структурную сложность.

Надеюсь, из приведенного разбора становится понятно, почему вопрос о том, как Сумароков переводил, по меньшей мере не менее интересен, чем вопрос о том, как должны были работать его готовые переводы в российском контексте. В следующих главах я постараюсь показать, что внимание к странным, неочевидным, маргинальным чтениям, заметное на примере отрывка из Тита Ливия, в целом свойственно сумароковским переводам; что за ним стоит особый модус отношения к тексту и в том числе к переводу — внимание к оригинальному тексту даже на предположительно невнятных переводчиках языках; использование различных изданий и переводов; внимательный разбор оригинала с целью найти неожиданное решение. И, наконец, будет предложено, как это отношение к тексту можно объяснить образовательным бэкграундом Сумарокова, и какое значение его учет имеет для более разнообразного представления о русской словесности XVIII века.

* * *

Не имея возможности подробно рассмотреть здесь все переводы/переложения Сумарокова, выскажу сначала свою основную гипотезу и продемонстрирую ее несколькими примерами.

Я полагаю, что в основе каждого переводческого (состязательного) опыта Сумарокова стоит задача и(ли) возможность, деконструировав текст оригинала, найти в нем элемент, доступный неавтоматической (остраняющей) интерпретации, и затем интегрировать полученную таким образом собственную находку (инсайт) в обрамляющий текст так, чтобы его наличие, как и переводной/состязательный характер текста, были максимально незаметны. Чужой текст оказывается таким образом присвоенным, но авторскому присвоению переводчика принципиально предшествует и ведет его остроумное присвоение читателем, взламывающим целостность чужого текста оригинальной интерпретацией минимального — в несколько слов — фрагмента¹⁴.

¹⁴ Если это место требует пояснения — вот пояснение. Сумароков жил в мире, где практика чтения нормативно предполагала не столько целостное восприятие текста, сколько его фрагментацию и буквальное присвоение читательницей через выписывание фрагментов/цитат. Быть читательницей в этой практике предполагало само собой работу компилятора, а составленная компиляция оправдывалась как ее применимость в работе составительницы над собой, так и переработкой в собственные тексты (будь то публичные или private). Лучший анализ этой ранненовременной практики в случае с историей чтения в России XVIII века основывается на материале прежде всего его последней трети (Ларионов

Пример 1

Около 1766 года Сумароков попробовал на вкус русский гекзаметр в версии Тредиаковского, переложив его стихом и его же словами (но без красот и синтаксических странностей своего коллеги-соперника) начало первой книги *Приключений Телемака* Фенелона. Приведу несколько показательных и достаточных строк этого перевода.

Часто гуляла она одна в муравах цветоносных,
 Коими вечно весна весь остров ея окружала,
 Но места прекрасные ей не смягчали злой грусти
 И Улисса, в них бывшего, к вящей тоске вображали.
 Часто была она на берегах морских неподвижна,
 Часто сии берега орошала Калипса слезами,
 Зря непрестанно в страну, где корабль Одиссеев летящий,
 Горды валы попирая, от глаз ея вечно сокрылся.

Что происходит в этом отрывке? Берега острова Калипсо покрыты «муравами цветоносными». Калипсо была на них счастлива с Одиссеем, теперь они напоминают о нем, Калипсо приходит на них, стоит неподвижно, рыдает и смотрит на море, представляя сцену того, как корабль ее любимого несмотря на бурные волны преодолевает их, и затем скрывается за горизонтом. В современных Сумарокову переводах — на немецкий, английский, итальянский, русский, испанский — отрывок выглядит иначе¹⁵. *Весь* остров Калипсо покрыт лужайками с цветами, — но когда она приходит на них, они

2023), однако Сумароков читал в рамках тех же читательских паттернов. Важно, что фрагментированное чтение-выписывание-переработка в этой модели предполагали отделение цитаты от авторского контроля (герменевтического контроля цельного текста, из которого делалась выписка). Цитата/фрагмент в составе компиляции (в новом переработанном тексте) начинала значить только то, что она значила в своих собственных пределах — с учетом и допущением всех семантических смещений относительно «исходного» смысла, который мог закладываться в оригинале (Tucker 2011). Пример того, как свободно обращались с цитатами (в том числе — непринужденно предлагая речение в смысле, диаметрально противоположном оригинальному) наученные в той же постренессансной книжно-печатной культуре Феофан Прокопович и Стефан Яворский, предлагает В. М. Живов (Живов 2004, 77–114). Особенность этой практики у Сумарокова в том, что он «выписывает» (замечает для себя) минимальный фрагмент текста не по причине его ясности и образцовости, но поскольку он оказывается для него как читателя затемнен, неясен, неуклюж, однако в процессе чтения пронизательным, натренированным в изворотах грамматики читателем приобретает неожиданный смысл. Персональным в данном случае оказывается не только внимание читателя, заметившего фрагмент, но и его толкование, исходно не увязывающее фрагмент с текстом. Сделанное таким образом «выписывание» воплощается в полном переводе ближайшего контекста выписки, выстраивающемся вокруг ядерного неожиданного чтения как персональный, собственный, «авторский» текст переводчика.

¹⁵ Ср. французский текст: « Calypso ne pouvait se consoler du départ d'Ulysse. Dans sa douleur, elle se trouvait malheureuse d'être immortelle. Sa grotte ne résonnaît plus de son chant ; les nymphes qui la servaient n'osaient lui parler. Elle se promenait souvent seule sur les gazons fleuris dont un printemps éternel bordait son île: mais ces beaux lieux, loin de modérer sa douleur, ne faisaient que lui rappeler le triste souvenir d'Ulysse, qu'elle y avait vu tant de fois auprès d'elle. Souvent elle

напоминают ей о любимом; тогда она идет рыдать на *пустые* берега, смотря на море — туда, где *легко* рассекая воду (с клином за кормой) скрылся за горизонтом его корабль. Сумароков трактует ‘border [une île]’ как буквальное ‘окаймлять’ скорее, чем как ‘расширить’/‘опушить’; а ‘fendre les ondes’ — опять же как буквальное, предполагающее утомительный физический труд ‘рубить волны’, скорее чем почти не требующее усилий ‘рассекать волны’. Итогом оказывается эмоционально значительно более интенсивная сцена: богиня Сумарокова (мастера столь же эмоционально интенсивных элегий) отказывается замечать благоухающие под носом красоты природы, чтобы раз за разом в транс переживать момент бурного морского пейзажа, когда можно было надеяться, что возлюбленный вот-вот сдастся и вернется к ней. У большинства переводчиков она значительно более пассивна: с одной стороны, пытается, хоть и неудачно, развеять себя красотами природы; с другой — как только смотрит на море, впадает в транс от переживания сцены легко убегающего корабля любовника, отнимающей всякую надежду. Ходить по пробуждающим воспоминания о былых наслаждениях лужайкам в последней ситуации, как бы ни было больно, может быть, более безопасно и приятно; в ситуации, описанной Сумароковым, единственное светлое пятно в жизни — переживать тот последний момент, когда можно было еще на что-то надеяться. Очень разные терапии. Текст переведен, переведен почти дословно, но не для того, чтобы понять, что хотел сказать автор, а чтобы, оттолкнувшись от него, создать собственный текст.

Пример 2

Сумароков, как известно, занимал себя присвоением чужих текстов не только иноязычных, но и русских (собственно, за каждым из таких его опытов стоит, кажется, русскоязычный прецедент). Самый громкий и показательный подобный пример, на котором механизм присвоения становится наиболее отчетливым — переложение ломоносовской надписи 1759 года на победу при Пальциге.

Ломоносов:

Европа и весь свет, монархиня, свидетель
 Пред Вышним, коль твоя любезна добродетель.
 Он ревность храброю в полки твои вложил
 И гордых сопосаг коварну мочь сломила,
 Бегут рассыпаны, зря прежние трофеи,
 И посрамления сугубят тем идеи.
 О нашем торжестве противники скорбят,
 Союзники твою святую верность чтят.
 О счастлив, счастлив, кто десницу ту лобзает,
 Которой силами Бог гордых усмиряет.

Сумароков:

Европа и весь мир, монархиня, свидетель,
 Как Вышнему твоя любезна добродетель,
 Благословляет он главы твоей венец,
 И в воинстве твоём бесстрашие сердец:
 Умножил мужество и действия геройски,
 Бегут рассыпанны врагов твоих днесь войски.
 Союзникам ты щит и ужас ты врагам,
 Благополучие и вечна слава нам;
 А мы, любя и чтя свою императрицу,
 Целуем радостно пресильную десницу.

demeurait immobile sur le rivage de la mer, qu'elle arrosait de ses larmes, et elle était sans cesse tournée vers le côté où le vaisseau d'Ulysse, fendant les ondes, avait disparu à ses yeux. »

Напомню, меня интересует в данном случае не то, что остается в новом тексте от старого (буквально повторенные слова; последовательность блоков) и не то, что из него изымается (ломоновская лексика — ‘коль’, ‘трофеи’, ‘мочь’; ломоносовские глагольные рифмы; ломоносовская государственная религия с буквальным вменением императрице святости; ломоносовское смакование картин вражеского поражения и описание прямого божественного вмешательства в войну). Мой интерес — в тех элементах, которые попадают в новый текст переработанными; причем по возможности — переработанными до превращения во что-то совсем отличное от исходного. В данном случае их два; один, если иметь перед глазами два текста, хорошо заметен; второй можно увидеть, только если знать, что его нужно искать.

Как заметил С. И. Николаев, обнаруживший связь этих двух текстов и убедительно атрибутировавший первый из них Ломоносову (Николаев 2002), последние два стиха сумароковской версии представляют собой значимую перекодировку оригинала. Финал стихотворения Ломоносова описывает эксклюзивный круг избранных (придворных), допущенных к императрице и способных поцеловать ей руку (неважно в данном случае, имеется ли в виду кто-то из братьев Разумовских, или, например, П. И. Шувалов, или сам поэт)¹⁶. Сумароков использует стандартный школярский прием: берет текст и прочитывает его буквально. Текст указывает на кого-то, «кто» лобзает руку императрицы и оттого счастлив. *Вопрос*: кто лобзает руку императрицы и оттого счастлив? *Ответ*: всякая россиянка (в том числе Сумароков; или, во всяком случае, каждая из присутствующих на праздничном ужине), целующая (реальную или воображаемую) руку императрицы. Присвоение текста через «а мы» оказывается буквальным: то, чем исходный автор обособлял закрытый круг избранных и в том числе себя, выкрадывается переводчиком-читателем-браконьером¹⁷ и передается любой читающей, и в том числе себе.

Второй перекодированный элемент незаметнее. Стих «*И пострамления сугубят тем идеи*» — один из самых диких и темных в ломоносовском корпусе. Может показаться, что Сумароков просто выкинул его как недостойный переложения. Между тем, именно дикость фразы заставляет предположить, что с ней было сделано что-то более интересное. Еще один классический школярский трюк. *Amor patris* — кто кого любит? Отец ли детей или дети отца? *Genitivus possessivus*, или *subjectivus*, или *objectivus*? Если переделать

¹⁶ При публикации текста Ломоносова указано, что он был написан в Гостилицах (имении А. Г. Разумовского) 25 июля 1759 года. Из Петербурга на южный берег Финского залива Ломоносов выехал после 20 июля; 22 июля в Петергофе было получено известие о сражении при Пальциге; 24 и 25 июля Елизавета праздновала эту победу обедами и ужином «с здешними знатными обоого пола персонами» в Гостилицах, где она гостила с ночи 23 на 24 июля до вечера 26 июля (КФЖ 1759, 131–32). Не вызывает сомнения, что Ломоносов, усть-рудицкий помещик, имение которого находилось от Гостилиц менее чем в 20 верстах, в пределах одного перегона, как «здешняя знатная персона» присутствовал на одном из этих застолий и неметафорично включал в круг «счастливых» избранных и себя.

¹⁷ Используя уместный здесь термин де Серто (de Certeau 1990 = де Серто 2013).

более известный стих Ломоносова — «Павлина посрамляет вран» — в конструкцию с родительным падежом, чьим будет посрамление, павлиньим или враньим? Сумароков в свойственной ему манере предпочитает речь о победителях изображению побежденных переворачивает стих с головы на ноги: 'сугубят' превращается в 'умножил', 'идеи посрамления' — в 'мужество и действия героически'¹⁸. Этого разоблачения, думаю, достаточно, чтобы понять, как работает фокус. Насколько далеко фокусник был готов пойти за престижем?

* * *

В 1760 году, кроме переложения Тита Ливия, Сумароков напечатал и другой свой перевод латинского автора: оды Горация, первый русский печатный перевод которой был сделан за несколько месяцев до того Н. Н. Поповским. Как и в случае с другими своими переложениями «из русского перевода», Сумароков оставляет от своего русскоязычного источника только отдельные элементы-маркеры; на этот раз — в последней строфе.

Поповский:

Хранимы питья сто замками
Наследник лучший разочнет:
Вино лить будет под ногами,
Какого в праздник жрец не пьет.

Сумароков:

Хранимы вина сто замками
Наследник выпьет и прольет,
Какие бережно, руками,
Первосвященник пить берет.

Понять приведенную здесь правку с опорой лишь на русский текст, как представляется, очень сложно. Допустим, 'питья' и 'разочнет' — не слишком уклюжие слова, и заменяются гладкими: 'вина' и 'выпьет'. Допустим, в 'наследник лучший' невнятный эпитет, и он исключается. Но что происходит в последних двух стихах? Если первосвященник бережно берет вино руками, значит ли это, что обычно люди делают это ногами или зубами? Ставится ли здесь текст с ног на руки? На каких основаниях? Альтернативный русский подстрочник, которым пользовался бы Сумароков, не известен. Но возможно, как кажется, надежно указать на французский.

Образцовым нововременным переводом од Горация была работа Андре Дасье (André Dacier, 1651–1722), впервые изданная в 1681–83 годах как первые тома *Remarques critiques sur les œuvres d'Horace, avec une Nouvelle Traduction*, впоследствии издававшиеся под названием *Les Œuvres d'Horace, traduites en français avec des notes et des remarques*. Дасье предлагал для каждой оды чистый критический текст и прозаическое французское переложение, после чего в

¹⁸ Неверно полагать, что 'Умножил мужество и действия героически' — переложение стиха 'Он ревность храбрую в полки твои вложил'. Сумароков вполне рационально превращает этот ломоносовский образ в формулу '[Всевышний] благословляет <...> в воинстве твоем бесстрашие сердец' (Сумароков не склонен всюду видеть прямое божественное вмешательство: русские войска уже храбры, в них не нужно вкладывать храбрость, достаточно просто их благословить).

примечаниях следовали краткий обзор рукописей и построчные примечания, толкующие спорные чтения, неоднозначные для толкования места и исторические реалии. В 1735 году очередное издание этой серии вышло под редакцией Ноэля Санадона (Noël-Étienne Sanadon, 1676–1733). Санадон добавил к каждому тексту собственный перевод, а к примечаниям Дасье — соображения о местах, в толковании которых он не был согласен с предшественником. В случае с последней строфой оды к Постуму разночтения эти были важными и отразились (отрицательно) на решении Сумарокова.

Напомню текст Горация (по изданию Дасье):

Absumet heres Caecuba dignior,
 Servata centum clavibus, & mero
 Tinget pavimento superbo,
 Pontificum potiore coenis.

В последнем стихе здесь читается прилагательное в сравнительной степени, *'potiore'*, от *'potis'* (способный, предпочтительный, выдающийся). Что с чем сравнивается? В оде говорится о том, что останется в мире после смерти скупого человека от его богатств. В том числе — дорогое цекубское вино, которое тот хранил за ста замками, наследник выпьет и прольет на пол. Сравнивается именно это вино; сравнивается с «пирами понтификов» (*pontificum coenis*). Поскольку сравнивается жидкость с событием, а термин сравнения многозначен, всю конструкцию можно толковать различно. Дасье пишет об этом в примечании:

У этого стиха может быть три различных объяснения. Первое — что вино это было дороже полной стоимости пиров понтификов. Второе — что это вино следовало бы скорее использовать на пирах понтификов; и, наконец, третье, — что оно восхитительнее, чем то, что подавалось на праздниках у понтификов. Для своего перевода я выбрал второе, поскольку мне кажется, что смысл его лучший. Таким образом Гораций равным образом осуждает скупость первого хозяина и расточительство второго, а завершает мыслью о религии: вино это не должно было ни храниться за ста замками, ни тем более столь бессмысленно расточаться, но должно было быть отдано понтификам для их праздника¹⁹.

Санадон последовательно несогласен с этим толкованием, критикуя его в нескольких примечаниях (замечая в одном месте, что плохи переводчики, занятые не переводом, но защитой вероучения). В частности, он говорит,

¹⁹ «Ce vers peut recevoir trois explications différentes. La première, que ce vin étoit de plus grand prix que les festins entiers des Pontifes. La seconde, que ce vin auroit dû être plutôt employé aux festins des Pontifes ; & la troisième enfin, qu'il étoit plus excellent que celui que l'on servoit aux festins des Pontifes. J'ai suivi la seconde dans ma traduction: car je trouve qu'elle fait un plus beau sens. De cette manière Horace blâme également la trop grande avarice du premier maître, & la prodigalité du second, & il finit par un sentiment de Religion, ce vin ne meritoit pas d'être gardé sous cent clefs, il ne devoit pas non plus être prodigué avec tant d'insolence, mais il devoit être donné aux Pontifes pour leurs festins». (Dacier, Sanadon 1735, 34).

что про священные пиры первосвященников (салиев), упоминаемые Дасье, нам ничего не известно; что заметная часть манускриптов дает чтение *'superbis'*, а не *'superbo'* (то есть не вино роскошное, а пиры слишком дорогие), что наследник правильно назван *'dignior'* ('более достойный'), потому что он не ведет себя как скупец, но просто как человек богатый — греха в этом нет. Соответственно, отдавая должное остроумию Дасье, Санадон называет между тем его интерпретацию самой неудачной из трех и предпочитает последнюю: Гораций не сочувствует никому — ни скупцу, ни его расточителю-наследнику, ни избыточествующим священникам (Dacier et Sanadon 1735, 24–35).

Легко увидеть, что Сумароков правит Поповского, выбирающего толкование Санадона, полностью принимая благочестивую версию Дасье. Более того, в этом толковании он оказывается более радикальным, чем даже его источник. В конце своего примечания Дасье замечает: «Я благодарен нашему языку за то, что он позволяет не оставлять уму подобных сомнений»²⁰. Глядя через собственный опыт, Сумароков мог поспорить с Дасье, который переводит: «*se vin auroit dû être réservé pour les festins des Pontifes*» («это вино должно бы оставить для пиров понтификов»). «Простите, какие пиры понтификов; не хотите ли вы сказать, что священники пьяницы; добрый ли вы христианин?», — словно спрашивает Сумароков. Принимая версию Дасье о том, что речь здесь идет о ритуальных пирах салиев, где вино выполняет священную функцию, он отказывается от «пиров» или «праздников» вовсе и подчеркивает ритуальную сакральность напитка. «Вина ... какие бережно, руками, первосвященник пить берет», — произнося эти стихи, руки нужно вздымать вверх на уровне глаз, словно держа священный кубок, и слегка потрясать ими, показывая боязнь уронить хоть каплю. «Руками» — значит «двумя руками», не одной: при публикации Сумароков выделяет это слово с двух сторон запятыми, показывая, что оно толкует предыдущее. «Бережно = [двумя] руками». Если французский язык у Дасье способен передать грамматический смысл, то русский у Сумарокова — сохранить к тому же мораль незапятнанной.

Это место представляется мне очень важным, поскольку показывает отчетливо: Сумароков не просто предлагает какое-то чтение ради полемики; и не правит перевод ради филологической точности. Замечания Санадона на Дасье, как и переводческая практика²¹, показывают, что толкование этой строфы у последнего было маргинальным — навязыванием тексту интерпретации наперекор грамматике, здравому смыслу и моде, ради веры. Любопытно заметить, что если Сумароков благочестиво отправился править Поповского из-за того, что прочитал у последнего два стиха, похваляющие дорогие пиры священников, — то обнаружение в авторитетной книге толкования, соответствующего этой интуиции, могло им быть воспринято как божественный знак. Не менее важно и проходящее понимание того, что для

²⁰ «Je sai bon gré à notre langue de ne laisser pas à l'esprit des doutes comme celui-ci» (Dacier, Sanadon 1735, 34).

²¹ См. несколько десятков переводов этой оды на сайте horatius.ru.

подобной интерпретационной работы недостаточно было опираться на подстрочник — нужно было хотя бы минимально суметь разобрать латинские слова, их грамматические формы и связи. Что Сумароков именно разбирал латинский текст, а не только следовал за учеными советами, можно показать еще одним местом из той же оды.

Приведу здесь параллельно все три текста: Поповского, Сумарокова и Горация (по изданию Дасье):

Поповский:	Сумароков:	Гораций:
Увы! проходит век крылатый; Ни святость может воспятить Морщин и старости горбатой, Ни смерти алчной умолить.	Ийти конечно вон из света; Нельзя пути сего претерть: Окончатся младые лета, Приступит старость, люта смерть.	Eheu! fugaces, Postume, Postume, Labuntur anni: nec pietas moram Rugis & instanti senectae Afferret indomitaeque morti.

Показанное выше благочестие сумароковского перевода не требует долгих замечаний (всякое сомнение в 'святости' (*pietas*) выводится из текста; вместо ропщущего 'eheu! / увы!' — развернутая на два стиха максима, принимающая неизменное устройство мира: 'конечно' здесь значит монотонное 'в конце'). Значительно интереснее, что Сумароков переводит '*labuntur fugaces anni*' как «окончатся младые лета». Дасье замечает (и Санадон с этим не спорит, а Поповский следует): «[*fugaces*] сказано лучше, чем *fugientes*: ведь *fugax* означает собственно того, кто постоянно бежит, который и не думает никогда ни о чем, кроме бега»²². Собственный перевод Дасье ('*les années passent bien vite*') показывает, что он (как и подавляющее большинство переводчиков этой оды; у Санадона: '*les années s'écoulent*') понимает *fugaces* как неотъемлемую характеристику *anni*: время бежит, годы уносятся, река времен стремится. Сумароков предлагает монструозное чтение. Если *fugaces* определяет *anni* (для этого нужно заглянуть в латинский текст и иметь минимальное представление о латинской грамматике), а *fugaces* при этом — такие годы, которые и не думают ни о чем, кроме как о беге (здесь нужно понимать грамматическую основу — прилагательное/причастие — тонкого различия *fugax* и *fugiens*, предложенного Дасье), то почему не посчитать, что речь идет о 'годах' не метонимических (т. е. о 'времени'), но о буквальных²³ — таких, в которые ни о чем, кроме как о том, чтобы бегать, не думаешь. Памятуя ненаписанную еще Крыловскую басню, — «попрыгучие годы закончатся»; молодость не навсегда.

Глядя на колени этой пляски, нельзя не признать, как кажется, что Сумароков был способен по крайней мере, пользуясь внимательным комментарием и подстрочником, разобраться в строе латинской фразы. И уж во всяком случае отпадают всякие сомнения в том, что, переводя, он старался добраться

²² FUGACES. Ce mot dit beaucoup plus que *fugientes*: car *fugax* marque proprement qui fuit tous jours, qui ne songe jamais qu'à fuir (Dacier, Sanadon 1735, 25).

²³ Как показывает этот, предыдущий и следующие примеры, Сумароков в своих монструозных переводах предпочитает основные, буквальные значения слов переносным.

до тщательного понимания грамматической механики оригинального текста, пользуясь лучшими толкованиями, но не доверяя им вполне — чтобы найти возможность прочесть текст по-своему²⁴.

* * *

Ограничивалась ли, однако, для Сумарокова эта практика монструозного перевода языками, которые он, так или иначе, изучал? Ответ могут дать два достаточно известных случая переводов Сумарокова с языков, обучение которым у него не только сложно предполагать, но известны, наоборот, его уверения в том, что он ими не владел. Возможно показать, между тем, что это обстоятельство никак не было для Сумарокова само по себе препятствием к дотошному чтению и переводческой работе. Далеко отстоя по времени, два следующие примера позволяют говорить о том, что мы имеем дело с единой стратегией чтения/перевода, характерной для всей жизни этого автора.

Первый из примеров относится к концу 1740-х годов. Мы знаем сейчас уверенно, что прежде, чем издать своего *Гамлета*, Сумароков брал для себя в библиотеке Академии наук одно из англоязычных изданий полного корпуса шекспировских пьес — четвертое издание фолио 1685 года (Левитт 1995). Английского языка Сумароков при этом, как кажется, не знал — в полемике 1750 года Третьяковский указывал на то, что коллега, «как очевидные сказывают свидетели», переводил *Гамлета* с прозаического подстрочника, и Сумароков, как кажется, этого не отрицал, замечая однако: «*Гамлет* мой, кроме монолога в окончании третьего действия и Клавдиева на колени падения, на Шекспирову трагедию едва-едва походит». Даже в этих двух местах (действие III, явление 7 и действие II, явление 1) текст петербургской трагедии настолько далеко отстоит от оригинала, что, казалось бы, нет никаких рациональных оснований предполагать, что Сумарокову зачем-то могло понадобиться обращение к мало ему внятому источнику. Между тем, английский текст Сумароковым использовался, и в свете рассмотренных латинских примеров мы можем теперь представить как.

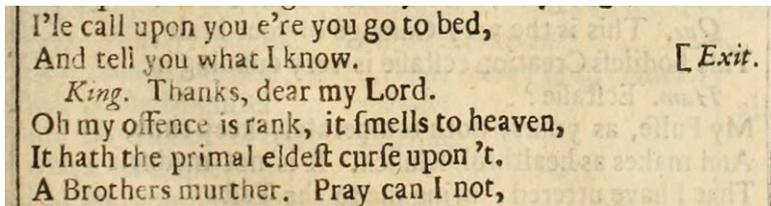
В обмене репликами о подстрочнике *Гамлета* Сумароков, казалось бы, выдает себя, как преступник в плохих детективах. Третьяковский в своей статье не называл язык подстрочника («*Гамлет* [...] переведен был прозою [...] а с прозы уже сделал [...] нашими стихами»); его визави проговаривается: «*Гамлет* мой, говорит он, не знаю от кого услышав, переведен с французской прозы». Казалось бы, этой оговорки достаточно, чтобы признать, что (единственный на тот момент) французский прозаический перевод Ла Пласа (Pierre-Antoine de La Place, 1707–93) — сумароковский источник, тем более

²⁴ Уже написав этот фрагмент и пересматривая материалы для других, я понял, что использование Сумароковым Горация Дасье в издании Санадона 1735 года бесспорно: он брал себе эту книгу в библиотеке Академии наук около 1755 года и использовал как тексты Горация, так и комментарии двух переводчиков для полемики с Третьяковским о сапфическом и горацянском стихе (Левитт 1995; Лаппо-Данилевский 2022).

что на него безошибочно указывают несколько оборотов в русском тексте. Однако, уже сам контекст, в котором Сумароков указал на этот источник, заставляет признать, что история сложнее²⁵.

Ла Плас, перелагая трагедию Шекспира прозой (а некоторые сцены просто пересказывая), между тем, местами переходил на стихи. Только одна сцена и один монолог *Гамлета* переложены у него стихами полностью — встреча Гамлета с Призраком (сцена, которой в рациональном классицистском театре Сумарокова просто не было места) и то самое «Клавдиево на колени падение» (акт 3, сц. 3), на которое Сумароков сам указывает как на заимствованный у Шекспира эпизод. Именно стихотворность перевода (то есть заведомая его 'неточность'), возможно, и заставила Сумарокова обратиться к оригинальному тексту.

У Сумарокова Клавдий, упав на колени для молитвы, начинает: «Се, Боже, пред тобой сей мерзкий человек, / Который срамотой одной наполнил век». Ничего подобного у Ла Пласа найти нельзя: его Клавдий после ухода Полония — вместо того, чтобы, как у Шекспира, мешать себя с гнилью и грязью, — начинает с придуманного переводчиком обращения к ночи и жалоб на то, что его грешное сердце в безнаказанности и посреди удовольствий не может успокоиться²⁶. Сумароков здесь отчетливо следует за оригинальным «Oh my offense is rank, it smells to heaven / It hath the primal eldest curse upon't»²⁷. Последний стих, словно латынь римского автора, с устранением эллипсисов и восстановлением прямого порядка слов, разобран так: «It (=мой грех), <хотя и> the primal (=первостепенный), has the eldest (=с самого детства) curse upon 't», что скупно, но с сохранением смысла превращается в «срамотой одной наполнил век».

Илл. 1. «Клавдиево на колени падение» в IV фолио (Shakespeare 1685: Hamlet 75). Boston Public Library PR2751.A4 1685 / Internet Archive.

²⁵ Наиболее тщательные чтения сумароковского перевода монолога «Быть или не быть» в соответствии с его источниками см.: Тоомре 1981; Levitt 1994 = Levitt 2009.

²⁶ O Nuit ! que ton retour augmente mes allarmes !
Un cœur coupable, en vain sçait [sic] dévorer ses larmes;
Dans le sein des plaisirs il fuit en vain l'ennui:
Son impunité même est un enfer pour lui ! (La Place 1746, 2, 347)

²⁷ И даже за словами «my Lord», непосредственно предшествующими этим двум стихам. Издание, которым пользовался Сумароков, дает возможность прочитать эти слова как обращение к Богу, а не прощание с наперником.

Возможно, для читателей, более всего доверяющих наглядности русско-английских иллюстраций, этот пример будет наиболее отчетливым образцом сумароковской переводческой монструозности. Если вы отказываетесь видеть в английской фразе «*It hath the primal eldest curse upon 't*» аналог русской «[мой грех убийства короля], хотя и очень тяжкий, несет на себе проклятье с самого моего детства», можете поздравить себя с замечательным владением английским языком и со знанием библейской истории и порадоваться тому, что вы в своем уме. Нет сомнений в том, что шекспировский Клавдий соотносит свой грех убийства брата с древнейшим библейским грехом (первородным ли грехом Адама и Евы, или убийством Авеля Каином, в данном случае не важно). Вопрос, однако не в том, как эту английскую фразу 'нужно' понимать, а в том, как ее понимал Сумароков; вернее, как она превратилась в русское «вот человек, который срамотой одной наполнил век». Сумароковский Клавдий, в отличие от шекспировского, не обращается к библейской истории — он говорит об истории своей, персональной. Вопрос — можно ли было вытащить такое видение интроспекции Клавдия из шекспировских слов? Ответ: да. Вопрос: Как? Ответ: Прежде всего — 1) Порядок слов оригинала полагается несущественным; 2) Предполагается, что оригинальный текст эллиптичен, в нем пропущены существенные логические связи; их нужно реконструировать и собрать текст целиком, выстроив в новом прямом порядке, учитывающем реконструированные связи. При этом 3) предпочтительно использовать основные, буквальные значения слов. Учтем также, что в фолио 1685 года «*A brother's murder*», шекспировское определение к *curse*, отделено от предыдущей фразы строкой и точкой, то есть не влияет на интерпретацию. Следим далее за дорогой монструозного толкования. Обязательно ли *primal* и *eldest* определяют один термин? Предположим, что нет, что '*primal*' определяет или уточняет '*it*' (=offence), и только '*the eldest*' — определение к '*curse*'. Учтем при этом, что переводящий не знает, прилагательное ли '*primal*', или нет, а в словарях, которыми он пользуется²⁸, нет статьи '*primal*' — есть '*primæval*' (нем. *erst*; фр. *premier*), '*primary*' (нем. *erst*; фр. *premier*), '*prime*' (нем. *vornehmst*, фр. *grand, prim*), '*primely*' (фр. *prime*); '*eldest*' при этом толкуется словарями как '*ältest*', '*ainé de plusieurs*', '*le plus vieux*', а '*curse*' — как '*der Fluch*' и '*malédiction*'. В основе всей фразы оказывается конструкция «*My offence has the eldest curse upon it*», понятая как «На моем преступлении лежит проклятие с самого моего рождения»; '*primal*' в значении 'первостепенный' понимается как определение к *it* (=offence)²⁹. Там, где шекспировский персонаж рассматривает на весах одно-единственное свое преступление, убийство

²⁸ Не зная, какие именно английские словари имел под рукой Сумароков, использую два случайных (Cotgrave and Howell 1673; Ludwig 1736).

²⁹ Использую одну из экономных реконструкций монструозного пути. Возможны и другие. Можно представить путь, при котором '*eldest*' — определение к '*it*', а '*primal*' — к '*curse*'; можно — что '*primal*' прочитано как наречие при '*has*'; можно оттолкнуться от понимания '*curse*' как 'ругательство'. Множественность интерпретаций делает равно маловероятной любую; вместе с тем, ищется именно маловероятное чтение, которое должно в итоге,

брата, и находит, что его вес перевешивает возможности божественной милости (вернее, что прощение этого греха никак не совмещается с тем, чтобы в долгие миры сохранить, как ни в чем не бывало, корону и жену), сумароковский видит проблему не в одном преступлении, а во всей своей уникально наполненной прегрешениями жизни. Непосредственно далее в тексте следует: «поборник (здесь = 'побеждающий') истины, бесстыдных дел рачитель, враг твой (=Бога), враг ближнего, убийца и мучитель (=тиран)». Отдельное убийство — только один из фрагментов этой беспрецедентной кучи срамоты, она росла ступеньками, с самого детства. Сначала — просто сомневался в истинах, потом совершал бесстыдные поступки, потом усомнился в боге, потом начал вредить ближним, и не остановился на убийстве брата. Политическая тирания на этой шкале тяжелее отдельного убийства, пусть даже царубийства (и хронологически следует за ним), но теоретически и на ней путь человека в накоплении греха не заканчивается — механизм, хорошо описанный для трагедий Сумарокова, самый известный злодей которого умирает, сожалея, что не сможет забрать с собой в ад весь мир; см. (Соловьев 2020). Чтобы построить эту конструкцию, интерпретатор должен был увидеть в оригинальном тексте *primal* и *eldest* независимыми и противопоставленными, создающими континуальность греха. Если вам кажется, что это фантастично, вспомните вместе с оттоптавшимся на этом месте Третьяковским (Гринберг и Успенский, 2001, 50, 69–70, 111), какое значение вы в последний раз, когда его использовали, предполагали за словом 'поборник'. Теперь впустите в себя тот момент, когда подлинный (общезыковой) поборник истины обращается в изначного сумароковского поборника-преступника истины — Клавдия. Не исключено, что вы нашли то самое проклятие, что прорастет потом преступлениями сумароковского узурпатора. То же озарение, усмотренное в переписке Жуковского и Вяземского, сподвигло в 1924 году Тынянова (1965, 80–1) на полторы страницы рассуждений в «Проблеме стихотворного языка»³⁰. Отсюда, возможно, станет понятнее, почему Сумароков отказался, когда ему указали на дикость, менять 'поборника' на внятного, навязывавшегося ему, но автоматизированного 'противника', предпочтя ему на листе погрешностей к *Гамлету* не менее монструозного, но все же фиксирующего моментальное изменение 'рушителя', и до последнего отказывался видеть за 'поборником-противником' языковую ошибку («Слово 'поборник', для чего его принял было противно, и для чего отставил, — кажется мне, что о том сказывать нет нужды; довольно того, что оно отставлено»).

в любом случае, привести к интерпретации, где древний библейский грех не поминается, но вспоминается вся жизнь короля.

³⁰ О природе семантического расхождения 'побороть' и 'поборать' см. Виноградов (1966). Статья написана едва ли не в прямой полемике со свежерепубликованным тыняновским текстом, и (не)независима от него так же, как и поминаемая здесь переписка Жуковского и Вяземского — от прозрения Сумарокова (два опытных участника арзамасовских собраний толкуют о разных 'поборниках' так, словно нашли их сами, без опоры на опыт более чем хорошо им известных XVIII-вечных полемических текстов).

Сомневаться в том, что Сумароков действительно использовал английский текст, таким образом, как мне представляется, нет оснований. Не исключено, что он мог заказывать русский подстрочник этого фрагмента у специалиста — как Ливия у Третиакского. Но что после он сидел над текстом самостоятельно, сопоставляя оригинал с переводом, разбирая грамматические связи и словарные статьи, кажется бесспорным³¹.

Второй случай перевода с незнакомых ему языков — из последних опытов Сумарокова. Как известно из его послесловия к *Дополнениям к духовным стихотворениям* (и особенно из толкований на этот текст Н. Ю. Алексеевой), весной 1774 года Сумароков перевел десять псалмов для сборника *Стихотворения духовные*, маркируя их указанием «точно как на еврейском языке» — используя нерифмованный тонический стих, создавая именно перевод, а не парафразис. Благодаря работе Н. Ю. Алексеевой (2014), известно и то именно издание, которое служило Сумарокову в этой работе основным источником и которое он в послесловии описывает как «новый и очень к подлиннику близкий перевод на немецком языке» — это был 6-ой том *Uebersetzung des Alten Testaments* Иоганна Давида Михаэлиса (Johann David Michaelis, 1717–91; Michaelis 1771). Однако в понимании того, как Сумароков работал с псалтирью, мы все еще находимся в начале пути.

Несколько указаний Сумарокова определенно говорят о том, что он пользовался не одним, а несколькими переводами. Ср: «Желал бы я увидети нашу псалтирь переведенну толь хорошим переводчиком со еврейского языка, коль худым переводчиком она с греческого переведена. А я не зная еврейского языка сделал все, что мог, ибо держался я лучших переводов»; «точность во многих, и по большей части против еврейского подлинника крайне наблюдаена». Значит ли это, однако, что Сумароков использовал при переводе каждого отдельного псалма только один источник, и множественность их в общем корпусе обусловлена лишь тем, что со временем он находил переводы все более и более «точные»?³² Или же использовал несколько переводов, работая над каждым текстом, и проводя операции сличения и грамматической/лексической рефлексии по нескольким источникам над каждым стихом? Продемонстрирую одним примером последнее.

³¹ Наблюдения о влиянии английского текста на сумароковский вариант монолога «To be or not to be», в том числе — специфичных чтений четвертого фоллио — см. в статье Levitt (1994 = 2009). Возвращаясь к *Кориолану*: Ла Плас не переводит эту трагедию, полагая ее слишком разросшимся, тщательно следующим за Плутархом обрамлением единственной сцены, ради которой она и была написана: речи матери к Кориолану — которая, в свою очередь, охарактеризована как «шедевр шекспировской риторики», «ситуация, театральней которой никогда не производили ни История, ни Вымысел» (La Place 1746, 3, 404). Поскольку «наступление на чрево» Сумароков не мог вычитать, кажется, нигде кроме шекспировского текста, приходится признать, что он использовал фоллио 1685 года для знакомства с несколькими пьесами.

³² Н.Ю. Алексеева полагает, что при переводе с издания Михаэлиса Сумароков не пользовался печатным славянским текстом — воспроизводя его по памяти и оттого используя церковнославянский язык при передаче чтений, отличных от богослужебного текста.

104 (105) псалом — один из тех, которые Сумароков перевел «строками», определенно используя издание Михаэлиса. Нас будет интересовать здесь второй стих.

Михаэлис:	Елизаветинская Библия:	Сумароков:
Singet ihm, spielet ihm, Dichtet von allen seinen Wundern	воспойте ѓмоу̑ и пойте ѓмоу̑, повѣдите всѣ чудеса ѓго̑	Воспойте ему, возыграйте ему, Размышляйте о всѣх чудесах его!

Как несложно увидеть, Сумароков, действительно, следует за Михаэлисом, вместе с тем во втором полустихии давая чтение, не предполагаемое ни одним из своих источников. ‘Размышляйте’ не могло взяться ни из *‘dichtet’*, ни из ‘повѣдите’. Тогда откуда? Архиепископ Амвросий (Зертис-Каменский), работавший над сличением славянской псалтири с мазоретским текстом примерно в то же время, что и Сумароков (и с работой которого последний был, по-видимому, знаком) передает это место так: «Воспойте ему, пойте ему, поучайтесь во всех чудесах его». Движение перевода очевидно то же, но так же очевидно, что «поучайтесь» не было источником «размышляйте». Большинство латинских переводов здесь близки к толкованиям Св. Иеронима (*narrate/loquimini*): чудеса Господа должны рассказываться/говориться. Выделяется, вместе с тем, традиция, прочитывающая это место иначе — известные чудеса Господа должны быть предметом внутренней работы, размышления, научения, медитации: “*tot eius miracula meditantes*” (кальвинист Себастиан Кастеллий/Себастьян Шатейон, 1547 г.); “*meditamini in omnibus ardius eius*” (известный своими дикими чтениями библейского текста доминиканец Томазо Мальвенда, 1650 г.); “*meditamini in mirabilibus eius omnibus*” (лютеранин Себастиан Шмидт, 1696 г. — важнейший университетский учитель Филиппа Якоба Шпенера, один из основных вдохновителей «аффективного чтения Библии» Августа Франке (Jacob 1986; Wallmann 1986; Barth 2012)³³; созданный им перевод Псалтыри был особо любим, например, Сведенборгом). Чтение это долгое время не было принято ни католической, ни лютеранской, ни реформатской церковью, оставаясь персональными видениями медитирующих богословов, пока в 1969 году не появилось в ватиканском переводе Псалтыри, ставшем частью *Novae Vulgatae*, современного официального католического текста латинской Библии (переименованный вариант Шмидта: *meditamini in omnibus mirabilibus*

³³ Давая наставление своим младшим соратникам в 1686 году, Шпенер предлагал именно экзегезис Шмидта как основное средство работы с библейским текстом: «Едва ли мы обретаем где-либо метод толкования более надежный, чем по примеру Д. Себастиана Шмидта, среди экзегетов по заслугам своим возглавляющего семейство. Он, после того как выведет общую ойкономию всей книги, спускается к отдельным стихам, и в них замечает прежде всего грамматические связи (*συνάφεια*, ‘сцепку’), откуда происходит основной свет для гармонии (*ἁρμόθεια*, ‘незыблемости’, ‘надежности’) чувств, и отсюда он рассматривает отдельные слова и различает их смысл, а затем извлекает многообразные, как он их называет, общие места, и наконец как украшение помещает парафраз, повторяя в нем ядро всего толкования» (Wallmann 1986, 98; перевод — А. К.).

eius)³⁴. Разнообразие чтений было обусловлено многозначностью как מְדַבֵּר в мазоретском тексте, так и διηγήσαθε септуагинты. В частности, *Lexicon Hebraicum et Chaldaicum* Иоганна Буксторфа (первое издание 1607), которым пользовался арх. Амвросий (Васильева 2014), толкует מְדַבֵּר как “Meditari, Eloqui”, а מְדַבְּרִים как “Meditari, Colloqui, Confabulari, Eloqui”. В то время, как осторожный и ревнивый к православной вере архиепископ Амвросий выбирает вариант, который позволил бы, не уходя далеко от официального текста, сохранить омонимию («поучайтесь»), Сумароков принимает маргинальное решение в пользу медитации — над чудесами Господа и над текстом.

В свете двух рассмотренных крайних — хронологически и практически — примеров 1747 и 1774 годов располагающиеся между ними обращения Сумарокова к авторам голландским или греческим; вступление его в спор об античной просодии и пр. перестают вызывать удивление.

* * *

Уникальна ли описанная выше переводческая практика Сумарокова, можно ли указать для нее соответствия и прецеденты? Я могу указать один контекст, представляющийся мне в данном случае равно неочевидным и важным. В поисках объяснений тому, как Сумароков работал с иноязычными текстами, мне кажется важным учитывать то, чем представало изучение иностранных языков в элитарной шляхетной среде в то время, когда Сумароков проходил обучение.

Как известно, Сумароков был учеником первого набора Сухопутного шляхетского кадетского корпуса. В последнее время наши представления об образовании в этом учебном заведении в его первые десятилетия начали выходить из мифической обрывочности³⁵. Вместе с тем, мы все еще знаем о его учебных планах, пособиях, процессе недостаточно. Один из таких вопросов — языковое обучение кадетов³⁶.

³⁴ Я использую здесь варианты латинских переводов псалтыри, собранные в электронной коллекции *The Book of Psalms in Latin* (<http://www.libersalmorum.info/>).

³⁵ Начиная с диссертации Игоря Федюкина (Fedyukin 2009); библиографию см. ниже.

³⁶ В последнее время многое для понимания того, как было устроено преподавание иностранных языков в СШКК, сделано Владиславом Ржеуцким (Rjéoutski 2018b; Kislova, Kostina, and Rjeoutski 2020). Для целей настоящей статьи особый интерес представляют его статьи (Ржеуцкий 2018; Rjeoutski 2018a), показывающие для латинских классов относительно маргинальный статус (с точки зрения учебных часов и занятых студентов) в общей образовательной системе корпуса, начиная с первых лет его существования. Вместе с тем, представляется, что их общие выводы (излишне, кажется, генерализирующие маргинальность латыни в СШКК и российской системе образования в XVIII веке) отчасти противоречат приводимому материалу. Использование списков кадетов за отдельные годы, дающих одномоментную фиксацию изучаемых языков (основной источник в этом случае), может быть основой для общих выводов о предметах, которые, как предполагается, не изучались или изучались мало, только если обследованы поименно все списки за все годы, и нет оснований полагать, что наличный материал содержит существенные лакуны. Ржеуцкий сравнивает статистические данные за 1732 год (латынь изучает только 1 русский кадет из 104 и только 3 из 51 прочих, преимущественно остзейских дворян;

Известный аттестат, полученный Сумароковым, возможно, при выходе из корпуса, сообщает в лингвистической части, что он «переводит с немецкого на французский язык <...> сочиняет немецкие письма и орации, <...> имеет начало в итальянском языке». В рамках настоящей статьи нет возможности, к сожалению, проанализировать в целом систему оценивания кадетов по тому корпусу аттестатов, которые были сообщены в печатном *Именном списке всем бывшим и ныне находящимся в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе Штаб-Обер-Офицерам и Кадетам* 1761 года. Отмечу главное: корпус этих аттестатов не указывает, с одной стороны, вовсе опыта обучения кадетов 1730-х годов латыни; с другой стороны — фиксирует не полный круг пройденных курсов, но только самую высокую точку программы по каждому из отмечаемых предметов. Лингвистическая квалификация Сумарокова с этой точки зрения самая высокая: он полностью освоил чтение на обоих основных современных иностранных языках («перевод» здесь следует читать как указание на одну из практик языкового обучения — последовательный перевод текста с тщательным толкованием в процессе каждого слова; Сумароков переводит с немецкого на французский — это последняя ступень обучения, начинавшегося с толкования русского/немецкого текстов через друг друга), прошел курс по активному владению немецким языком до самого высокого уровня — освоенной риторики, сочинения писем и речей; и, наконец, изучает еще один современный иностранный язык.

Значит ли аттестат Сумарокова, что он не знал или плохо знал латынь? Отнюдь. Прежде всего, сомнений в том, что латынь в корпусе действительно изучалась, а не просто для красоты значилась в уставных документах, у нас сейчас нет. Более того, мы знаем, что некоторые недоросли поступали в корпус, уже владея латынью в какой-то степени, и, строго говоря, нет оснований вовсе отказываться от предположения, что латыни Сумарокова мог обучать в доме владевший этим языком отец (учившийся, в свою очередь, у одного из лучших работавших тогда в России педагогов — учителя царских двоюродных братьев и племянников Нарышкиных, а позже наследника пре-

список фиксирует, возможно, только половину кадетов) с 1748 (латынь изучают 5% русских кадетов и 1,5% прочих) и 1764 годом (латынь изучают 6,75% русских кадет и 18,75% остзейских) и приходит к выводу, что латынь мало интересовала русских кадетов, кроме разве что в странной ситуации конца 1740-х годов. Этот вывод сомнителен. И данные Ржеуцкого о том, какие аттестации давались кадетам, изучающим латынь, предположительно в 1735 году, и используемые им в другом месте (Rjéoutski 2018b) сведения сводных таблиц за 1734 и 1737 годы показывают, что в 1730-х одномоментно латынь изучали примерно 10% кадетов, в том числе в конце 1730-х — несколько десятков русских. По штату в корпусе были положены один учитель латинского языка, один его помощник и один учитель латинской орфографии; в реальности в 1737 году в корпусе было два латинских класса. Если предположить, что французский и немецкий в корпусе изучались на протяжении всей учебы кадета, от классов чтения до классов стилиа, между тем как латынь изучалась только один или два года (на что методически была рассчитана, например, поминаемая ниже грамматика Ланге), а полный курс обучения составлял 10 лет, можно заключить, что латынь изучалась по меньшей мере половиной, если не большей частью кадетов.

стола Петра II) — во всяком случае, уже став известным автором, Сумароков именно так восстанавливал историю своего языкового и стилевого обучения (сознательно вымарывая корпусный опыт)³⁷.

Сумароков владел латынью, возможно, недостаточно хорошо, чтобы самостоятельно в деталях перевести Ливия, но достаточно, чтобы понять, что делают, переводя, его знакомые латинисты, или чтобы разобраться, как устроен стих Горация, или даже, может быть, чтобы читать латинский протокол академического собрания³⁸. Нас занимает, однако, не то, «владел» ли Сумароков языком (вопрос этот сам по себе в таком виде не имеет смысла), но то, что представляло собой обучение латыни в Петербурге в конце 1720-х–1730-е годы. Наблюдения над тем, как Сумароков переводил, сообщают об этом едва ли не больше, чем другие источники.

Как было замечено, в основе переводческой практики Сумарокова лежит тщательное рассмотрение оригинального текста через (квази)филологические процедуры (проявление синтаксических связей, прежде всего элиминация предполагаемых эллипсисов; а также подбор по возможности буквального словарного значения), направленные на поиск осмысленного в рамках целого текста, но нестандартного прочтения отдельного минимального фрагмента (слово/фраза). Такой подход к чтению текста был характерен для прусского пиетизма начала XVIII века; он проявился, в частности, в модели языкового образования Иохима Ланге (Joachim Lange, 1670–1744 гг.), латинская грамматика которого для галльских учреждений Августа Германа Франке на не-

³⁷ См. важное указание анонимного автора сумароковского некролога, знакомого, кажется, с матерью писателя: «Александр Петрович в младенческих своих летах воспитыван в доме своего отца, знавшего как латинский, так и свой язык основательно, что тогда было чудо в дворянине, ибо и ныне многие дворяне хотя и говорят на иностранных языках, но не только оных — и своего основательно не знают» (Сокращенная повесть 1778, 42). Не дает ли указание на эту семейную деталь вместе с поминанием того, что «еще здравствующая» Прасковья Ивановна Сумарокова происходит «из дома Приклонских», основание предположить, что автором очерка был Василий Иванович Приклонский? Сумароков сам указывал на отца как своего главного учителя (в русском языке), отмечая при этом, что учителем отца был карпатский русин Иван Зейкен (Янош Зекань) — учитель князей Нарышкиных, двоюродных братьев Петра I, и затем Петра II, за два года сумевший обучить по меньшей мере последнего ученика в совершенстве французскому (см. о Зейкене: Варади-Штернберг 1986; Мольтар 2004; Павленко 2006; Смагина и Лавринович 2015).

³⁸ Читая известный пассаж из письма Сумарокова к И. И. Шувалову 15 ноября 1759 года: «в Академической Канцелярии и в Конференции мне ничто быть не препятствует», следует учитывать, что протоколы заседаний конференции Академии наук велись в это время на латинском языке. Президентом Академии был в это время К. Г. Разумовский, латынью (в том числе как европейский студент) владевший и оставивший этот язык в протоколах — в отличие от предпочитавшего немецкое делопроизводство предыдущего президента Корфа и сменившего латинские протоколы на французские следующего директора, В. Н. Орлова. Если бы назначение Сумарокова в академическую канцелярию состоялось, чтение и подписание латинских протоколов должны были бы стать частью его служебных обязанностей. Активизация занятий Сумарокова, связанных с античными литературами, во второй половине 1750-х приобретает в свете этого обстоятельства особый прагматический оттенок (замечание Т. В. Костиной).

сколько десятилетий стала заметным источником дохода, а для петербургской школы 1730-х годов — источником нескольких основных печатных учебных пособий³⁹. Основной целью школы Ланге было дисциплинированное научение и поддержание в ученике Страха Божиего, основным инструментом чего должна была стать постоянная медитация над самой безусловной эманацией божественного в тварном мире — Божьим словом, явленным в библейском тексте. Ученик школы Ланге должен был поэтому пройти тщательную подготовку в языках, сохранивших наиболее неискаженно библейский текст⁴⁰, чтобы подойти к самому надежному инструменту познания — медитации через (квази)филологический опыт (важнейшим элементом которого было умение устранять в интерпретации эллиптические конструкции) над мельчайшими фрагментами Библии. Такая медитация⁴¹ в случае удачи должна была приводить к моментам озарения, проявляющимся в нестандартных, но непротиворечивых с точки зрения грамматики и словаря чтениях текста. При этом ученик должен был быть способен, с другой стороны, владеть собственным природным языком⁴² максимально искусно и точно для того, чтобы иметь возможность выразить на письме, в сложении слов — не подвержимых искажающим интерпретациям, максимально прямых — полученную в результате озарения идею⁴³.

³⁹ См. подробнее Grote 2018; Костин 2020.

⁴⁰ В *Medicina mentis*, своем учебнике логики, описывавшем вместе с тем полностью его педагогическую программу, Ланге причисляет к языкам, сохранившим библейский текст в самой чистой форме, наряду с ивритом, греческим и латинским, также церковнославянский (ср.: Lange 1704, 547–48).

⁴¹ Ланге очень внимателен к описанию того, например, как должно выглядеть пространство медитации, в какое время она должна происходить, с помощью каких инструментов и каких приемов (подолгу, размышляя каждый раз над малыми фрагментами, с пером и бумагой под рукой, чтобы быстро записывать озарения, которые будут интерпретироваться после). Помещаю в приложении к этой статье перевод трех ключевых параграфов *Medicina mentis*, описывающих — в последней главе книги, говорящей о путях познания, — требования к идеальному толкователю, переводчику и переводу, то есть к идеальному познающему субъекту и познанию в целом.

⁴² Собственным природным языком, поскольку только этот навык в речи обеспечивает минимальный зазор между идеей и выражающим ее словом.

⁴³ Чтобы представить, как примерно работает эта герменевтическая модель, предлагаю читателям познакомиться со статьями Андреаса Эббингхауса, толкующего известную реплику Евгения в *Медном всаднике* Пушкина — «Добро, строитель чудотворный! <...> Ужо тебе!..» как «[Мое] Добро [=имущество] уже тебе [досталось]» (Ebbinghaus 1991; Эббингхаус 2011). Один из читателей этих очень филологически строгих работ может быть прав, замечая, что «такое прочтение приходится признать насильственным, игнорирующим психологический и прагматический контекст реплики» (Зенкин 2022), между тем критикуемый анализ строится на предположении, что насилие содержится в требовании признать однозначность психологического и прагматического контекста реплики. В российском интеллектуальном поле значимая дискуссия о переводческих стратегиях, соотносимых с тем, что делали и Сумароков, и Эббингхаус, случилась в 2018–2019 годах в связи с радикальными «литературно-художественными» переводами Аристотеля и Платона, предложенными Александром Марковым (Юнусов 2018; Гринцер и Шербакова 2019; Гараджа и Протопопова 2019; Марков 2019).

Весь переводческий проект Сумарокова, как представляется, может служить идеальной иллюстрацией того, как подобный подход к работе с текстом должен был воплощаться в реальности. Объяснение этому сходству можно найти в том, что кадетский корпус, где обучался Сумароков, основывался с опорой прежде всего на прусские модели, в том числе — на галльскую модель воспитания страха Божиего (СШКК — первое русское светское учебное заведение, где вводятся обязательная ежедневная коллективная молитва и курс толкования священного писания), вводившуюся в том числе через совокупность языковых курсов (в число которых в середине 1730-х годов, сверх предполагаемых уставом, предлагалось, по-видимому, ввести также и древнегреческий)⁴⁴. Сумароков как один из лучших студентов языковых классов усвоил свои уроки хорошо.

* * *

Здесь уместно заметить, что перевод хрестоматийного текста Ланге, *Школьных разговоров* из его латинской грамматики, сыграл важнейшую роль в истории того, что принято называть «русской литературой». Переведенные на русский язык в середине 1730-х годов Мартином Шванвицем, служившие в конце 1730-х–начале 1740-х годов образцом русского рационального разговорного стиля, в конце 1740-х они оказались в истоке создания метаязыка новой словесности. Сейчас уже можно определенно утверждать, что именно спор о новом русском переводе *Школьных разговоров*, сделанном Третьяковским в 1746–47 годах, стал основанием для сохранившихся лишь в обрывках и оговорках споров о переводе этого времени (Алексеева 2006; Костин 2017), определивших впоследствии филологическую работу и эстетические установки и Третьяковского, и Ломоносова, и Сумарокова.

Требование подготовки новой разговорной хрестоматии в конце 1745 года стало одним из первых следствий прихода к руководству Академией наук нового президента, Кирилла Разумовского. Альтернативный новый перевод, за который взялся Третьяковский, был только одним из возможных решений. Другим стал перевод альтернативного пособия, *Домашних разговоров*

⁴⁴ О влиянии прусских моделей на структуру СШКК и о связях создателей этого учебного учреждения с пиедистами Галле см. подробнее: Feduyukin 2009; Федюкин и Лавринович 2015; Feduyukin 2019; Федюкин 2020. О введении в программу корпуса курса греческого можно судить по списку книг, запрошенному корпусом в 1735 году у Академии наук (Материалы 1886, 572-73). Список показывает, что к этому времени в корпусе не было уже нужды в элементарных пособиях по латыни (запрашиваются только авторы и пособия для чтения на старших курсах — Ливий, Ювенал, Марциал, а также словари для стихотворного и риторического самостоятельного сочинения). Вместе с тем, запрашиваются издания и словари для продвинутых курсов французского языка (начиная с франко-латинских словарей и заканчивая авторами от Буало до Вольтера) и для начальных занятий греческим (на франко-латинской основе) — греческая грамматика Пор-Рояля, греческо-латинский словарь Скревеля, *Таблицы* Кебета, речи Исократ, Анакреон и Сапфо в издании Анны Дасье, греко-латинский Новый Завет.

Г. Ф. Платса, предлагавших вместо рационально лаконичной и прозрачной «школьной» речи Ланге — галантно многословную, непрямую, играющую в социальный танец речь придворного человека⁴⁵.

Новый перевод ТрEDIAKовского остался известен в истории филологии кажущимся буквоедским, чрезмерно филологически дотошным сочинением о правописании окончаний имен прилагательных⁴⁶. Между тем, самой радикальной и заметной особенностью перевода было вовсе не это, а введение в русскую поэзию, впервые — в печатном виде — метрических эквивалентов античных стихотворных размеров.

Шванвиц переводил стихотворные вставки в диалогах Ланге прозой. Например, фрагмент из Овидия (Ov. Am. 2, 9, 41), “Stulte, quid est somnus, gelidae nisi mortis imago”, был передан в первом переводе *Школьных разговоров* так: «Безумный, что есть сон, не образ ли холодныя смерти?» ТрEDIAKовский принимает решение передать этот стих гекзаметром:

О, безумный, что сон, как образ холодныя смерти⁴⁷?

Вопрос о передаче и передаваемости античных метров, как мы знаем, был принципиально важен для петербургских стихотворцев 1740-х годов — от марбургских выписок из статей Готшеда и эквиметрических опытов Ломоносова в *Письме о правилах российского стихотворства* до сапфических и горацянских версий Сумарокова и грандиозного здания *Тилемахиды* ТрEDIAKовского. Катализатором споров стал именно перевод *Школьных разговоров*. Когда Сумароков посвящает в 1747 году свою первую эпистолу вопросам перевода и формулирует в ней свою знаменитую максиму — «Нам автор мысли дал, но он нам не дал слов» — референтом для него оказывается именно этот опыт ТрEDIAKовского.

Что значит «Нам автор мысли дал, но он нам не дал слов»? Глядя на эту формулу из перспективы сумароковских монструозных переводческих опытов и медитативной герменевтики Ланге, фразу можно уточнить до значения, едва ли не противоположного буквальному — автор оригинала дал слова (набор знаков, требующих толкования), но не мысли (добываемые читателем из знаков в озарении), не стиль и не стих. Бессмысленно пытаться имитировать форму, потому что она случайна и никак не связана с герменевтическими усилиями — единственной оправданной задачей переводчика (который может, например, нисколько не погрешая против оригинала, передать прозаическую речь стихами, как в случае с Ливием Сумарокова).

⁴⁵ Подробнее о контексте появления второго издания см.: Hart 2000; Костин 2020.

⁴⁶ См. о нем подробнее: Пекарский 1865, 102–16; Вомперский 1968; Успенский 1984; Живов 2017, 1061–78; Костин 2017b.

⁴⁷ Оба первых издания *Школьных речей* – 1738 и 1748 годов — вышли с сохранением титульного листа первого издания. Первое издание чрезвычайно редко. За возможность ознакомиться с его фрагментами по экземпляру РГБ, который оставался мне недоступен во время работы над статьей (Костин 2020), из-за чего в ней были отождествлены тексты двух изданий, благодарю Джамилу Рамазанову.

За переводческими стратегиями трех участников спора конца 1740-х годов можно увидеть столкновение нескольких моделей отношений автора и читателя (и шире — языкового поведения в социуме). Вопрос о том, где пролегает граница читательской интерпретации, был важен для всех троих — Третьяковского, Ломоносова, Сумарокова. Их дружное соревнование по переложению псалма в 1743 году, программно отнимающее у читателей агентность (Костин 2023), маркировало приход нового времени, в которое новый мир нужно было отстраивать заново, отдавая себе отчет в том, что неправильно истолкованный авторский текст мог привести на эшафот — как это случилось для модельных петербургских авторов 1730-х годов, Артемия Волынского и Андрея Хрущева, лишившихся жизни в чудовищной публичной казни в результате герменевтических ухищрений императрицы Анны Иоанновны (Осповат 2018; Осповат 2020).

Виртуозность сложносоставной многозначности и речевой изворотливости придворного человека Грасиана (переведенного еще одним модельным автором 1730-х — Сергеем Волчковым)⁴⁸ упиралась в эту автономную карающую инстанцию. У проблемы было несколько решений. Можно было, как это делал Кантемир — тогда же примерно, когда Анна Иоанновна читала письмо Волынского — пытаться до последнего отстаивать авторский замысел, снабжая стихотворный текст километрами толкований. Можно было, как это сделал Третьяковский, в принципе отказаться от авторского голоса, сосредоточившись на передаче формы оригинала и пускаясь в километры учейших комментариев о различении «И» и «Ī». Можно было выстроить систему, в которой толкование текста, соответствующее авторскому замыслу, покоилось бы на надежной основе «здорового смысла», полностью лишая читателя индивидуальной агентности. Это путь Ломоносова, мало озабоченного самотолкованиями, предпочитающего не пускаться в споры и регулярно обрывающего начатые было полемические тексты на полуслове. По тому же пути пойдет и нововременная европейская литература в целом. Постнововременной взрыв середины XX века, уничтожающий авторский контроль над текстом, видел такую позицию автора нормативной данностью — безальтернативной, навязанной, пугающей, подавляющей, неизбывной, полностью потерявшей свой былой эмансипаторный заряд⁴⁹. Сама идея о том, что распределение позиций в паре автор/читатель может быть иным, представлялась (необходимым, прогрессивным, революционным, но) кощунством, оформлявшимся, например, драматичной метафорой смерти автора. Но альтернатива была и есть, потому что она есть всегда, потому что любая конвенциональная констелляция про-

⁴⁸ О его переводе Грасиана см.: Evstifeeva 2018; Евстифеева 2022.

⁴⁹ Чтобы вполне оценить эмансипаторность идеи о том, что толкование текста должно контролироваться автором, а не произвольным чтением, нужно иметь опыт жизни в обществе, где, например, как в России конца 2023 года, из-за боязни административного преследования меняются названия почтенных учреждений, чтобы в их аббревиатурах не были увидено букв «ГЕИ», а преподавателя университета могут стремительно уволить за серьгу в ухе.

изводящих и воспринимающих художественную речь наделяет те или иные позиции в ней этическими и идеологическими значениями ситуативно. Исходная ситуация, сохранившись инерцией культурной памяти, может забыться, но может быть реконструирована по фрагментам и обломкам.

Петербургский автор середины XVIII века мог пойти, наконец, по утопическому пути — подсказанному Ланге, его учителями, современниками, и петербургскими трансляторами 1730-х годов — к недостижимой цели выработать «прямой» авторский язык (искусный, но не искусственный), который исключал бы омонимию и в принципе возможность для читательницы (агентн.ой, вечно стоящ.ей за страницей, готов.ой использовать очки как зажигательное стекло, рвущ.ей текст на фрагменты и не желающ.ей озаботиться созерцанием общего авторского замысла), — исключал бы для так.ой читательницы в принципе возможность прочитать текст неверно⁵⁰. Это был путь Сумарокова, вполне и прежде всего проявившийся в корпусе его переводов/переложений. Собственный авторский язык неизбежно — по его человеческой природе — оказывался ущербным, зараженным многозначностью и, таким образом, возможностью неверного чтения. Как с любой теоретической программной установкой, принципы прямого рационального языка могли нарушаться в реальной авторской практике: сумароковские вздорные оды или *Критика на оду* — не в меньшей степени реплика в адрес оппонентов, чем самоироничное признание и за собой грехов, замечаемых у других. Замечаемых, впрочем, для того, чтобы в постоянной работе над собой, медитации и искусном читательском острании оттачивать авторское мастерство. За каждым словом, использованным рациональным автором, мог скрываться монстр — возможность прочитать его так, что чтение полностью изменит авторскую интенцию. Защита от монстра предполагала зоркость, настороженность (*vigilantia*), а значит, регулярную работу по его выявлению там, где это не причиняло авторской боли — в чужих текстах. Все сумароковские переводы не случайно очень короткие и фрагментарные. Перевод для него был не самостоятельной задачей и не лабораторией, но тренировочным залом и баней, дававшими держать разум готовым и управляемым, чтобы в собственном письме добиться максимальной прозрачности и ясности⁵¹. Исторический провал этой утопии завораживает, как провал любой утопии. Но открывает вопрос — не осталось ли на руинах обломков, которые можно было бы употребить дальше?

⁵⁰ Мне представляется, что эта установка, требующая от писателя подыскания слов, максимально соответствующих вещам, и предполагающая минимальную дистанцию между говорящим, аффектом говорящего и феноменами, свидетельствуемыми в аффекте, соответствует чрезвычайно остроумному и убедительному описанию стиля Сумарокова, предложенному Н. Ю. Алексеевой (2020).

⁵¹ Постоянная работа над собой, поддержание духовно-ментальной формы словно формы физической — современный богослов находит для описания этой практики метафору акробата — была важной составляющей программы «аффективного чтения Библии» у Августа Германа Франке и галльских пиетистов в целом (Mejrup 2016).

Приложение

Требования Иоахима Ланге к интерпретатору и переводу (из *Medicina mentis*: Ч. 3, Гл. 3 «О истинном исследовании», Член 2 [и последний], «О должности и средствах толкования»)⁵²

§ I. [Первый закон толкования есть просветленность (*ικανότης*) толкователя]

Первым и основным законом толкования является *ικανότης* (просветленность; буквально — достаточность, способность, сила) самого толкователя. Ибо до тех пор, пока толкователь не станет просветленным, остальные правила ничего или мало что сделают. А просветленным толкователем является тот, чей ум должным образом исправлен в соответствии со второй частью этой книги⁵³ и свободен от всякого рода предубеждений. Каковы предубеждения при толковании тем более вредны, что они действуют в направлении, противного суждению толкователя, и оттого очень часты. Ибо что обычнее, чем интерпретировать речь, которая не понята правильно, даже грамматически? Толкования других, из-за некоего авторитета почитающихся более сильными, выдернутые из комментариев, но принимаемые за полноценные исследования, положить между тем за надежное основание и следовать им? Предпочитать и выставлять вперед смысл, не вытекающий из тщательно наблюденных глубин речи самой по себе? Хоронить прямой смысл слов и вытягивать наружу другой, как бы скрюченной шеей, то туда, то сюда, поскольку неумеренный порыв ненависти или любви, или движение других аффектов, приняв изначально предубежденную гипотезу, в итоге захватывает и увлекает дух. Итак, преубеждения всякого рода, уже отброшенные ранее в усовершенствовании ума, оттого ли, что не полностью устранены, или же возвращаясь, должны снова и снова устраняться через привычку постоянного улучшения духа и через воспроизведение действий, которые нужно повторять всякий раз, когда мы хотим что-то толковать.

⁵² Переводится по: Lange 1704, 270–1, 284–5. В следующих изданиях композиция труда и число параграфов в главах менялись.

⁵³ Вторая часть книги содержит собственно ту самую «медицину ума», вынесенную на титульный лист книги — описание практик, позволяющих достигнуть той последней цели духовного развития, которая позволяет в максимальной простоте тренированного духа почти постоянно пребывать в трансцендентном контакте с божественным и формулируется в следующих словах: «стать библиотекой и распродать книги» (которые настоящему просвещенному уже не нужны). Последний параграф главы описывает это состояние так: «Для достижения этой истинной цели требуется, чтобы все делалось *во имя и страхе Божиим*, и с духом простым, верным и полностью сконцентрированным (*praesentissimum*), в любви к верховному и святому Божеству, наполнившись поклонения и почитания. К чему призывает Павел — *все, что мы говорим и делаем, свершать во имя Христа*. И с таким разумением люди, с их ничтожнейшим умом, возьмут, где отдохнуть, даже если не знают сразу, как их действия могут способствовать славе Божией. Ведь им достаточно довольствоваться духом, совершая все искренне во имя и во страхе Бога, никогда не отклоняющегося от своей цели» (Lange 1704, 186, перевод — А. К.).

§ II.

Подобное просветление (ἰκανότης) требует от толкователя прежде всего отточенного суждения и дух, хорошо натренированный длительным обхождением в правилах о вещах, общих как мудрости, так и благоразумию, и самого точного владения лучшими дисциплинами, особенно теми, по которым судят о толковании. Но, может быть, кто-нибудь скажет: если толкование уже требует от толкователя столько знаний, откуда они были почерпнуты без толкования? Ответ. Из наставления, и прежде всего из простой, легкой, и наставительной речи, не требующей предварительных знаний, но приносящей их. Итак, толкование уже предполагает у толкователя хотя бы посредственные знания, а то, что он находит, он подтверждает и приумножает.

[...]

§ XXV [Обязательные требования к хорошему переводу]

Требования к хорошему толкователю при переводе заключаются в следующем: (1) иметь точные знания и уверенность в обоих языках — с которого и на который что переводится; (2) не столько уважать и выражать слова, сколько передавать смысл, каково бы ни было его достоинство, подтекст или намек. (3) Оставлять идиотизм каждому из двух языков, напр. не переносить германские идиотизмы на латинский язык, а выражать германизмы латинизмами. (4) Идиотизмы передавать вольно — так, чтобы перевод не превратился в короткий комментарий. (5) Быть простым, естественным и прозрачным, так, чтобы казалось, что это не столько перевод, сколько как бы само оригинальное сочинение. Если в переводе остается какое-то темное место, допускается добавить ученое толкование, если оно внесет внятный смысл. (6) Сохранить в переводе, насколько это возможно, тот же аффект. К этому следует добавить (7) умеренное знание материала, который переводит автор, чтобы слова изучаемого предмета могли быть адаптированы к жизни [переводящего].

Источники

Журналы Камер-Фурьерские 1759 года. Церемониальный, банкетный и походный журнал 1759 года. н.р.

“Сокращенная повесть о жизни и писаниях господина статского действительного советника и Святыя Анны кавалера, Александра Петровича Сумарокова.”
Санктпетербургский вестник. 1778, 1: 39–49.

Тредиаковский, Василий К. 1761. *Римская история ... сочиненная Г. Ролленем.* 1. Санкт-Петербург: Тип. Акад. наук.

Catrou, François, et Pierre-Julien Rouillé. 1725. *Histoire romaine, depuis la fondation de Rome* 2. Paris: Chez Jacques Rollin & Sébastien Delespine & Jean-Baptiste Coignard.

Conway, Robert S., and Charles F. Walters. 1910. “Restorations and Emendations in Livy I–V.” *Classical Quarterly* 4: 267–76.

- Cotgrave, Randle, and James Howell. 1673. *A French and English dictionary*. London.
- Dacier, François, et Noël-Étienne Sanadon. 1735. *Oeuvres d'Horace* 3. Amsterdam: Chez J. Wetstein & G. Smith.
- Gourdin, François P. 1789. *De la traduction considérée comme moyen d'apprendre une langue et comme moyen de se former le goût*. Rouen: De l'imprimerie privilégiée.
- Lange, Johann Joachim. 1704. *Medicina mentis*. Berolini: n. p.
- La Place de, Pierre A. 1746. *Le Théâtre Anglois* 3. Londres.
- Ludwig, Christian. 1736. *A Dictionary English, German and French*. Leipzig, Frankfurt: n. p.
- Livius, Titus. 1974. *Ab urbe condita* 1, edited by Robert M. Ogilvie. Oxford: Oxford University Press.
- Michaelis, Johann David. 1771. *Johann David Michaelis deutsche Uebersetzung des Alten Testaments: mit Anmerkungen für Ungelehrte*. 6. Göttingen: bey Johann Christian Dieterich.

Литература

- Алексеева, Надежда Ю. 2006. “Литературная полемика середины XVIII века о переводе стихов.” В *XVIII век*. Сб. 24, 15–34. Санкт-Петербург: Наука.
- Алексеева, Надежда Ю. 2014. “Поздний Сумароков как переводчик псалмов.” *Russian Literature* 75, 1–4: 3–31. <https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2014.05.002>.
- Алексеева, Надежда Ю. 2020. “«Ищи приличных слов»: проблема жанрово-стилевой организации поэзии Сумарокова (Подступ к теме).” В *XVIII век*. 30: 5–16. DOI: 10.31860/0130-075X-5-16.
- Амелин, Максим А. 2003. “История русского «Гамлета».” *Новая Юность* 4: 34–40.
- Варади-Штернберг, Янос И. 1986. “Закарпатец Иван Зейкан в окружении Петра I.” В *Науковий збірник Музею української культури у Свиднику* 14: 33–46. Братислава: Пряшів.
- Васильева, Дарья В. 2014. “Сыны Божии и сыны богов в Псалтири архиепископа Амвросия (Зергис-Каменского).” *Христианское чтение* 6: 296–303.
- Виноградов, Виктор В. 1966. “О процессах развития и разрушения ономимии в кругу соотносительных русизмов и древнеславянизмов.” *Studia Slavica* 12: 447–51.
- Вомперский, Валентин П. 1968. “Ненапечатанная статья В. К. Третьяковского «О множественном прилагательных целых имен окончаний.»” *Научные доклады высшей школы. Филологические науки* 5: 81–90.
- Гаспаров, Михаил Л. 2001a. “Подстрочник и мера точности.” В М. Л. Гаспаров. *О русской поэзии. Анализы. Интерпретации. Характеристики*, 361–72. Санкт-Петербург: Азбука.
- Гаспаров, Михаил Л. 2001b. *Записи и выписки*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Гараджа, Алексей В. и Ирина А. Протопопова. 2019. “«Что-то смешное на нас напало»: о новом переводе платоновского «Пира».” *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 3, 1: 265–85. DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-253-273.
- Гринберг, Марк С. и Борис А. Успенский. 2001. *Литературная война Третьяковского и Сумарокова в 1740-х – начале 1750-х годов*. Москва: РГГУ.
- Гринцер, Николай П., и Елизавета А. Щербакowa, 2019. «Рец. Аристотель. Метафизика. Перевод с древнегреческого, вступительная статья и комментарий А. В. Маркова. М., 2018.» *Вестник древней истории*, 79, 1: 152–60.
- Евстифеева, Рива. 2022. “Мудрость vs благоразумие придворного: к вопросу о переводческих стратегиях С. Волчкова.” В *Лаборатория понятий: перевод и язык политики в России XVIII века*, 170–195. Москва: Новое литературное обозрение.

- Егунов, Андрей Н. 1963. «Исменей и Исмена», греческий роман Сумарокова. В *Международные связи русской литературы*, 135–61. Москва: Наука.
- Зенкин, Сергей. 2023. *Itago in fabula. Интрадиегетический образ в литературе и кино*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Живов, Виктор М. 2004. *Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Живов, Виктор М. 2017. *История языка русской письменности*. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке.
- Козицкий, Григорий В. 1770. «Повесть о Каии Маркии Кориолане, из книги II историй Тита Ливия Патавийскаго.» *Барышек Всякия Всячины*: 489–93.
- Костин, Андрей А. 2017а. ««Тот путь топтать трудно», или спор Ломоносова с самим собой о принципах перевода.» В *Русская классика* [к 85-летию Н. Н. Скатова], 71–83. Санкт-Петербург: Росток.
- Костин, Андрей А. 2017б. «Тредиаковский в 1755 году: несколько архивных замечаний.» В *XVIII век*. 29: 50–9, Москва–Санкт-Петербург: Альянс-Архео.
- Костин, Андрей А. 2020. «Крестик, черточка, точка: учебные пособия Академии наук 1730-х годов и их прусские контексты.» В *Русско-немецкие контакты в детской литературе XVIII–XX вв.*, 38–78. Санкт-Петербург: Росток.
- Костин, Андрей А. 2023. «Открытость поля поэзии, или Поэзия как товар.» В *Институты литературы в Российской Империи*, 37–73. Москва: Высшая школа экономики.
- Лаппо-Данилевский, Константин Ю. 2022. «В. К. Тредиаковский и А. П. Сумароков в споре о сапфической строфе.» *Philologia Classica* 17 (2): 300–20. DOI 10.21638/srbu20.2022.210
- Ларионов, Олег А. 2023. «А. М. Кутузов в 1790 году: Чтение, авторство, публичность.» *Slavica Revalensi* 10: 71–83.
- Левин, Юрий Д. 1995. *История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Левитт, Маркус. 1995. «Сумароков – читатель Петербургской библиотеки Академии наук.» XVIII век. Сб. 19, 43–59. Санкт-Петербург: Наука.
- Любжин, Алексей И. 2012. *Рецепция римской литературы в России XVIII–начала XX века*. Докторская диссертация. Москва: МГУ.
- Марков, Александр В. 2019. «Да, это Платон и Аристотель: ответ на рецензии.» *Философия. Журнал Высшей школы экономики* 3 (2): 253–73.
- Материалы для истории Императорской Академии наук*. 1886. 2. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Мольнар, Ласло В. 2004. «Деятельность педагогов-выходцев из Венгрии в России (1703–1848).» *Studia Slavica Hungarica* 49 (3–4): 315–39.
- Настопкене, Виолета. 1981. «Опыт исследования точности перевода количественными методами.» *Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Literatūra* 23, 2: 53–70.
- Николаев, Сергей И. 2002. «Неизвестное стихотворение Ломоносова и отклик на него Сумарокова.» В XVIII век. Сб. 22, 3–7. Санкт-Петербург: Наука.
- Николаев, Сергей И. 2015. «Отрывок «Из Тита Ливия» А. П. Сумарокова.» В XVIII век. Сб. 28, 28–33. Москва–Санкт-Петербург: Альянс-Архео.
- Николаев, Сергей И. 2020. «Как и зачем Сумароков переписывал своих современников.» В XVIII век. Сб. 30, 205–13. Москва–Санкт-Петербург: Альянс-Архео. DOI: 10.31860/0130-075X-205-213

- Осват, Кирилл. 2018. “Казнь автора: Дело А.П. Вольинского, «абсолютизм» и проблема политической словесности в 1740 году.” *Новое литературное обозрение* 151, 3: 143–63.
- Осват, Кирилл. 2020. *Придворная словесность. Институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Павленко, Николай И. 2006. *Петр II*. Москва: Молодая гвардия.
- Пекарский, Петр П. 1865. *Дополнительные известия для биографии Ломоносова*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Польской, Сергей и Владислав Ржеуцкий. 2022. *Лаборатория понятий: перевод и язык политики в России XVIII века*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Ржеуцкий, Владислав С. 2018. “Латинский язык в дворянском образовании в России XVIII века.” В *Чтения отдела русской литературы XVIII века*. Вып. 8, *Русская литература XVIII столетия в науке XX века. Неолатинская гуманистическая традиция и русская литература конца XVII — начала XIX веков*, отв. ред. Андрей А. Костин, 228–51. Москва–Санкт-Петербург: Альянс-Архео.
- Серто де, Мишель. 2013. *Изобретение повседневности*. Пер. Д. Калугина. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Смагина, Галина и Майя Лавринович. 2015. “Учился ли император Петр II и чему?” В *«Регулярная академия учреждена будет...»: образовательные проекты в России в первой половине XVIII века*, 127–75. Москва: Новое издательство.
- Соловьев, Андрей Ю. 2020. “О конфликте в трагедии Сумарокова «Димитрий Самозванец».” В *XVIII век*. Сб. 30, 83–101. Москва–Санкт-Петербург: Альянс-Архео.
- Сумароков, Павел И. 1832. *Обозрение царствования и свойств Екатерины великия*. Санкт-Петербург: Типография Медицинского департамента Министерства внешних дел.
- Тынянов, Юрий Н. 1965. *Проблема стихотворного языка*. Москва: Советский писатель.
- Успенский, Борис А. 1984. “К истории одной эпиграммы Третьяковского (эпизод языковой полемики середины XVIII в.)” *Russian Linguistics* 8 (2): 75–127.
- Федюкин, Игорь. 2020. *Прожекторы: Политика школьных реформ в России в первой половине XVIII века*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Федюкин, Игорь и Майя Лавринович. 2015. “Сухопутный Кадетский корпус в Санкт-Петербурге (1730-е годы) и его берлинский прообраз.” В *«Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века*, 264–316. Москва: Новое издательство.
- Хмыров, Михаил Д. 1869. “Сумароков, Александр Петрович, русский писатель.” В *Портретная галерея русских деятелей*, издание А. Мюнстера, 2, 215–25. Санкт-Петербург: Тип. и лит. А. Мюнстера.
- Эббингхаус, Андреас. 2011. “Евгений перед памятником: Анализ высказывания персонажа в «Медном всаднике» А. С. Пушкина.” В *Язык — текст — дискурс: проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах*, 6–10. Самара: Универс групп.
- Юнусов, Артем. Т. 2018. “«Бессильная невозможность». О новом переводе «Метафизики» Аристотеля.” *Историко-философский ежегодник* 33: 361–85.
- Barth, Ulrich. 2012. “Luther und Francke. Einige Aspekte des Verhältnisses ihrer beider hermeneutischen Konzeptionen.” In *Reformation und Generalreformation — Luther und der Pietismus*, 41–9. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen.

- Bassnett, Susan, and André Lefevere, ed. 1990. *Translation, History and Culture*. London: Cassell.
- Budick, Sanford, and Wolfgang Iser, ed. 1996. *The Translatability of Cultures. Figurations of the Space Between*. Stanford: University Press.
- Bullough, Geoffrey. 1966. *Narrative and Dramatic Sources of Shakespeare*. 5. London: Routledge.
- Certeau de, Michel. 1990. *L'invention du quotidien*. 1. Paris: Gallimard.
- Ebbinghaus, Andreas. 1991. "Puškina «Petersburg-Erzählung» «Mednyj Vsadnik»: Ein Beitrag zur Interpretation." *Zeitschrift für Slavische Philologie* 51,1: 86–142.
- Eco, Umberto. 2003. *Mouse or Rat? Translation as Negotiation*. London: Phoenix.
- Evstifeeva, Riva. 2018. *Lessico di qualità intellettuali in Pridvornoj čelovek (1739), la prima traduzione russa dell'Oraculo manual di B. Gracián*. PhD Thesis. Roma «Tor Vergata».
- Fedyukin, Igor. 2009. *Learning to be nobles: the elite and education in post-Petrine Russia*. PhD Thesis. University of North Carolina.
- Fedyukin, Igor. 2019. *The Enterprisers. The Politics of School in Early Modern Russia*, Oxford: Oxford University Press.
- Grote, Simon. 2018. "Domesticating Religious "Fanaticism" in Eighteenth-Century Germany: A Tale of Two Books." *Church History and Religious Culture* 98, 1: 111–38.
- Hansen, Gyde. 2010. "Translation 'errors'." In *Handbook of Translation Studies*, ed. Yves Gambier, 385–88. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
- Hart, Carol Ann. 2000. *Learning linguistic politeness: a social history of Eighteenth-century Russia*. PhD Thesis. Ohio State University.
- Jacob, Edmond. 1986. "L'œuvre exégétique d'un théologien strasbourgeois du 17e siècle: Sébastien Schmidt." *Revue d'Histoire et de Philosophie religieuses* 66 (1): 71–8.
- Kislova, Ekaterina, Kostina, Tatiana, and Vladislav Rjeoutski. 2020. "Learning Grammar in Eighteenth-Century Russia." In *The History of Grammar in Foreign Language Teaching*. 1, 133–54. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Levitt, Marcus C. 1994. "Sumarokov's Russianized "Hamlet": Texts and Contexts." *Slavic and East European Journal* 38, 2: 319–41.
- Levitt, Marcus C. 2009. "Sumarokov's Russianized "Hamlet": Texts and Contexts." In Levitt, Marcus C. *Early Modern Russian Letters: Texts and Contexts*, 76–102. Boston: Academic Studies Press.
- Mejrup, Kristian. 2016. *Grand Prospects of Halle Pietism: The Acrobat, the Project-maker and the Shepherd*. København: Det Teologiske Fakultet.
- Muir, Kenneth. 1977. *The Sources of Shakespeare's Plays*. London: Methuen & Co.
- Murphy, Paul R. 1958. "Archaism and Colloquialism in the Use of a Latin Negative Pattern." *The American Journal of Philology* 79, 1: 44–51.
- Pym, Anthony. 1998. *Method in Translation History*. London: Routledge.
- Rjeoutski, Vladislav. 2018a. "Latin in the Education of Nobility in Russia: The History of a Defeat." In *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, 169–90. Amsterdam University Press. DOI 10.2307/j.ctv2bct9c.10.
- Rjeoutski, Vladislav. 2018b. "Native Tongues and Foreign Languages in the Education of the Russian Nobility: The Case of the Noble Cadet Corps (1730s–1760s)." In *The History of Language Learning and Teaching* 1, 129–44. Cambridge: Legenda.
- Stam, Robert. 2000. "Beyond Fidelity: The Dialogics of Adaptation." In *Film Adaptation*, ed. James Naremore, 54–76. New Brunswick: Rutgers.
- Toomre, Joyce S. 1981. "Sumarokov's Adaption of Hamlet and the 'To Be or Not To Be' Soliloquy." *Study Group on Eighteenth Century Russia Newsletter* 9: 6–20.

- Tucker, George H. 2011. "Justus Lipsius and the *cento formm*." In *(Un)masking the realities of power: Justus Lipsius and the dynamics of political writing in Early Modern Europe, 163–92*. Leiden: Brill.
- Wallmann, Johannes. 1986. *Philipp Jakob Spener und die Anfänge des Pietismus*. Tübingen: Mohr Siebeck.